

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

34

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Пирожкова.</i> США и остальной мир	1
<i>В. Ингул.</i> Мифы – в поддержку сверхмифа	3
<i>Г. Алексеенко.</i> Коммунизм с человеческим лицом	4
<i>В. Кобылин.</i> Несколько слов по поводу "Бульдожьей хватки"	5
<i>А. Федосеев.</i> Небольшая личная история	7
<i>А. Федосеев.</i> Высокая организация жизни общества есть самоубийство	10
<i>Владимир Рудинский.</i> Страстные самообольщения и бесстрастные исследования (ответ г-ну Померанцу)	17
<i>В. Кобылин.</i> Предположения ближайшего будущего	19
<i>Юрий Фельштинский.</i> В чем существо нашего спора	21
<i>Валентин Зарубин.</i> Правда светлее солнца! (Об Илье Глазунове, Ермаке Лукьянове и многих других)	24
<i>Е. Кармазин.</i> Дудинцев и другие под пером М. Поповского	27
<i>Протоиерей Д. Константинов.</i> Юбилейная тревога	29
<i>Е. Кармазин.</i> Экономические заметки (по страницам журналов и газет)	33
<i>Н. Воейков.</i> Древняя Русь на перепутье	37
<i>Владимир Рудинский.</i> Обзор зарубежной печати	42
<i>Н. Троицкий.</i> "Крестный путь". Русская Православная Церковь в 1970 – 1980 гг.	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№34

Сентябрь 1984

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

США И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Согласно учению о противоречиях исторического материализма, последние делятся на основное, главное и побочные противоречия. Пока существуют капиталистические страны, основным противоречием остается "противоречие между трудом и капиталом", тогда как главное противоречие меняется в зависимости от ситуации. После победы над гитлеровской Германией главным противоречием было объявлено "противоречие между социалистическим лагерем и империализмом США". Это противоречие остается и до сего дня главным противоречием, по мнению советских марксистов.

Не надо забывать о существовании антагонистических и неантагонистических противоречий. Так противоречия с другими коммунистическими странами, в том числе и с красным Китаем, — это неантагонистические противоречия. Они должны быть, иначе наступит стагнация и смерть, но они не могут вылиться в борьбу не на жизнь, а на смерть. Тогда как антагонистические противоречия, например, главное противоречие по отношению к США, может кончиться только уничтожением одной системы или другой. Это — борьба на смерть.

Предвижу сразу же возражения: да ведь сами вожди в Москве не верят больше ни в какой марксизм, стоит ли поэтому заниматься анализом марксистских тезисов, это всего лишь пропаганда. Кто только ни старается нас уверить, что советские вожди сами не верят в марксизм! Но здесь часто налицо недоразумение. Все те, кто нас уверяет, что советские вожди не верят в марксизм, сами почему-то верят, что марксизм — это учение о том, как создать для человечества светлое будущее. Но еще Н. Бердяев справедливо заметил, что и для самого основателя марксизма, Карла Маркса, пролетариат представлял

собой некую категорию. И он уже вовсе не заботился о благополучии конкретных живых людей, рабочих. Для него это была категория в его системе, а вся система служила завоеванию власти. Это так же совершенно отчетливо видно у Ленина. Мао же сказал, что "марксизм — это наука о том, как побеждать". Так что мы думаем, что в настоящий марксизм, — а не выдуманный, идеализированный, — в теорию, объясняющую, как завоевать власть и как побеждать и дальше, советские вожди очень даже верят и действуют согласно этой теории.

Исходя из этого, следовало бы смотреть на положение в мире так, как это соответствует реальности, т.е. отдавать себе отчет в том, что никакого длительного *modus a vivendi* между Советским Союзом и США не может быть. У коммунистов стратегия дальнего прицела. Ни один из престарелых вождей не думает, что "главное противоречие" разрешится еще при его жизни. Поэтому они не пойдут на фронтальную атаку, пока США являются мощной державой, но они так же и не откажутся от своей задачи: так или иначе низвергнуть США. Они предпринимают обходные ходы, например, через страны Латинской Америки, стараются подорвать престиж США пропагандой и инфильтрацией, создать побочные линии фронта на Дальнем или Ближнем Востоке и ждут того момента, когда им удастся ослабить США до такой степени, что они смогут решиться на лобовую атаку.

К сожалению, мало кто в политическом мире Запада понимает все это. В самих США среди либералов (в американском понимании "liberal" — это скорее социалист, это не то, что либерал в Европе), доминирующих в демократической партии, как будто совсем этого не понимают. Все, что происходит в

Латинской Америке, они трактуют исключительно как результат трудного социального положения этих стран, большой разницы между богатыми и бедными, нерешенными земельными проблемами и пр. Нет сомнения, что все эти проблемы играют существенную роль и облегчают коммунистам возможность влиять на массы. Ясно и то, что коммунисты, когда они приходят к власти, не разрешают ни одной из этих проблем, они их даже еще обостряют и создают новые, каких до сих пор не было. Тем не менее, несомненно, нужно стараться разрешить, насколько возможно, социальные проблемы Латинской Америки, помочь тем, кто влачит жалкое существование в нищете и грязи. Это нужно сделать прежде всего ради самих этих людей, а не из каких-либо стратегических соображений. Но при этом никак нельзя забывать о стратегии мирового коммунизма. А как раз об этом американские либералы полностью забывают. Больше того, они вообще отрицают то, что в Латинской Америке действуют силы мирового коммунизма по обдуманному стратегическому плану.

Администрация президента Рэйгена значительно яснее видит истинную ситуацию. Безусловно, и она не различает всего, не видит, в частности, что ссора с красным Китаем относится к неантагонистическим противоречиям и что снабжать красный Китай современной технологией не следовало бы. Это совсем не защита от Советского Союза, а как раз наоборот. Но этого не видит никто. Меньше всего это могут заметить американские либералы. Стратегию же коммунистов в Латинской Америке Рэйген видит и противостоит ей.

В свое время для Кеннеди было легко занять Кубу и ликвидировать этот очаг распространения коммунизма не только в Латинской Америке, но и в Африке. Кубинцы неожиданно оказались прекрасными ландскнехтами мирового коммунизма, завоевавшими для коммунизма несколько африканских стран. Теперь уже много труднее, можно сказать, пока невозможно ликвидировать коммунизм на Кубе. Но президент Рэйген сделал это на Гренаде. Гренада — маленький островок, она не имеет и четверти того значения, которое приобрела Куба. И тем не менее, американский президент совершил великое дело: первый раз с 1917 года страна, пусть самая малая, сбросила коммунистическое иго, хотя бы и с помощью войск другой, мощной, державы. Создан прецедентный случай, появилась надежда, что захват власти коммунистами не обязательно должен означать рабство на целые поколения. К сожалению, мало кто это понял. Даже те европейские союзники США, которые имеют сейчас консервативные правительства, не поддержали американского президента. Все они испугались шума, который

могли поднять “либеральные” газеты и другие медики массовой информации. Но последние вели себя удивительно сдержанно. Спокойная решительность и уверенность в себе оказывает весьма положительное действие. Американцы не проиграли бы и во Вьетнаме, если бы не были так неуверены в себе и малодушны. Массовые медики постарались обратить поменьше внимания на Гренаду и добились того, что в сознании западных людей она уже почти позабыта.

Однако коммунисты ее не забыли. Они теперь знают, что пока в Белом Доме этот решительный президент, они не смогут нагло захватывать одну страну вокруг США за другой. Поэтому все их усилия направлены на то, чтобы провалить выборы президента Рэйгена на второй срок. Сделать это не так легко: США находятся в состоянии хозяйственного расцвета. Цена доллара сильно поднялась, инфляция уменьшилась в три с половиной раза по сравнению со временем президентства Картера, безработица тоже уменьшилась. Реалистическая политика несет плоды. Но, конечно, “либеральный” кандидат в президенты Мондейль не преминет попытаться разжечь страсти и сыграть на эмоциях толпы. Избирательниц он будет прельщать кандидатом в вице-президенты женщиной, играть на тех недостатках, которые, конечно, имеются, — где их нет? — да и не могли быть ликвидированы за 4 года, даже если их, вообще говоря, можно ликвидировать.

Но особенно американским избирателям русского происхождения нельзя ни на минуту забывать, что дело идет не о том или ином недостатке, а о стратегии дальнего прицела в борьбе между свободой и коммунистическим рабством. В этой борьбе, — хотим мы этого или нет, — США сейчас являются единственным сильным оплотом свободы. Если США рухнут или получат такого президента, который предоставит остатки мира его судьбе, то коммунизм быстро распространится на другие страны. В этом противостоянии “объекта главного противоречия” коммунистической заразы США в редких случаях освещаются объективно прессой того самого свободного мира, единственным оплотом которого они являются. Сколько было крику и шуму о том, что якобы американцы применяют жестокие методы в войне во Вьетнаме. Конечно, всякая война жестока, и от нее страдает мирное население и особенно страшно ни в чем неповинные дети. Но все же можно ли даже было бы подумать, что американская армия стала бы сознательно подрывать на минах детей, закладывая эти мины в... детские игрушки? Нет, об этом и подумать нельзя! А вот перед моими глазами картина немецкого телевидения: транспорт афганских детей, которых привезли в Западную Германию, т.к.

здесь есть шанс их вылечить или хотя бы немного помочь им. Все эти дети подорвались на минах, которые советская армия сбрасывает с самолетов, мины эти были вделаны в детские игрушки. Они были направлены не против солдат афганского сопротивления, а против маленьких доверчивых детей, с радостью поднимавших редкую для них игрушку! Можно ли придумать что-либо более дьявольское? Но диктор сказал об этом совершенное спокойно, без тени возмущения. Никакие "гуманистические" организации, которые так возмущались войной во Вьетнаме, не созовут демонстрации протеста против чудовищных действий СССР в Афганистане.

С одной стороны, понятно, что от коммунистов ничего другого и ожидать нельзя и что свободный мир, со своей стороны, не только этого, но даже и вообще какого-либо отклонения от совершенно необходимого с военной точки зрения допускать не должен, и за этим надо следить. С другой же стороны, для массового зрителя и читателя коммунистические зверства, истинные зверства (хотя это слово

и оскорбляет напрасно зверей: ни один зверь не может быть так утонченно жесток, как человек) остаются почти незамеченными.

Об этом мы все должны знать, чтобы, критикуя недостатки свободного мира, не переходить границу и всегда помнить, что какие бы у него ни были недостатки, без него и его главного оплота — США — мир не удержится и скоро подпадет под коммунистическое рабство.

При этом особенно важно, чтобы США, которые так сильно были травмированы при других президентах и при нынешнем президенте приобретают постепенно снова уверенность в себе, этой уверенности не потеряли. Без нее этой державе трудно будет противостоять в высшей мере самоуверенному Советскому Союзу (мы имеем в виду кремлевское руководство, а не народы страны). Поэтому мы надеемся, что в США не найдется избирателя российского происхождения, который не отдал бы свой голос президенту Рэйгену. Слишком многое стоит на карте. Русские должны это понимать лучше всего.

В. ИНГУЛ

МИФЫ — В ПОДДЕРЖКУ СВЕРХМИФА

Вопрос о существовании в стране развитого социализма мифов является средоточием всех волнений, тревог и парадоксов в современном мире. Что это за мифы? И какая цена им в сознании народа?

Разные мифы существуют в стране с октября 1917 г. Одни целенаправлены главным образом вовне, другие предназначены для оглушения народа внутри страны. Тот миф, что в заголовке обозначен как сверхмиф, является, так сказать, верховным, абсолютным мифом, который обслуживается, питается другими мифами, подсобного, потребительского, так сказать, характера. Эти мифы как раз и направлены на психологическую обработку народных масс как вне, так и внутри страны, в нужном для власти направлении.

Прежде, чем говорить о мифах, покрывающих, питающих другой, верховный миф, следовало бы определить суть его. Сам он — перед глазами всего мира и, говоря словами Солженицына, "мир его не видит". Миф этот — легитимность той власти, что установлена на территории бывшей Российской империи в октябре 1917 года, власти большевистской, в обиходе называемой советской властью (почему — не коммунистической? Вопрос, выходящий за рамки статьи). Ни с какой точки зрения власть эта не может быть названа легитимной, законной властью — ни с моральной, ни с религиозной, ни с юридической

точки зрения, — за исключением одной — фактора силы, насилия. Но, скажут, сила, насилие, как в личном, так и в государственном плане могут быть законны и в известной мере оправданы в процессе борьбы за существование. Допустим. Но каким образом насилие в большевистском государстве может быть оправдано, если власть этого государства зиждется на мифе ее легитимности, на незаконии? Оговоримся: легитимности, понимаемой в современную, постколониальную эру, в эру развитого, — перефразируя советскую формулу, — либерализма, демократии. В прежние века понятие о легитимности государства было несколько иным, о чем распространяться здесь было бы излишне. Упомянуть стоит только, что в наше время встречаются горе-толкователи понятия легитимности, применительно к советскому строю. Одним из таких является американец Биалер, на книгу которого "Преимники Сталина" ссылается просоветчик Нилов ("Свободное Слово", сент. — окт. 1981 г.). Биалер обосновывает легитимность советского режима 1) длительностью его существования, 2) испытанием режима войной и 3) режим не привел к большой смуте.

Как мы видим, Биалер обосновывает свое оправдание советского режима, его легитимность, одной грубой силой, насилием. Но как можно мириться с таким оправданием,

если насилие здесь является **голым насилием** и с точки зрения человечности — абсурдом?

В нашу драматическую эпоху борьбы за свободу человека единственным мерилom легитимности государственного строя может быть только его человечность и ничто другое. Чтобы не растекаться излишне мыслию по древу легитимности того или иного явления, остановимся на мифах потребительского, так сказать, характера, питающих, поддерживающих верховный сверхмиф. Их, этих мифов, много, но ограничимся самыми главными из них, наиболее известными, узреть кои можно и невооруженным глазом: 1) миф о единстве народа и партии, 2) миф о становлении в стране развитого социализма нового типа человека в массовом масштабе — homo sovieticus'a, хотя, по правде сказать, отдельных экземпляров их достаточно наберется в стране, 3) миф о мощной поддержке большевистского СССР большинством трудящихся свободного мира, 4) миф — один из важнейших — об извечной враждебности Запада к русскому человеку, о стремлении его расчлениить и уничтожить Россию, независимо от того, при каком режиме живет народ. Миф этот — один из наиболее важных в смысле внутреннего его употребления в стране советов; на нем же покоится и каждодневная пропаганда Москвы, а также известных просоветских кругов в эмиграции. Миф этот о вечной угрозе Запада русскому народу, нацеленный главным образом на оглушение последнего, не так легко развеять, как это кажется на первый взгляд. Предоставим заниматься этим вопросом историкам — исследователям международных отношений, а сейчас спросим себя: как же это получается, что при вечной вражде Запада к России, захватнических планах его по отношению к нашему отечеству, до сих пор не произошло ничего подобного — ни захвата территории, ни порабощения русского народа жадными капиталистами, хотя благоприятных случаев для этого у западных империалистов было несколько. Вспомним

хотя бы о поражении русских в Крымскую кампанию, о нажиме Запада на Россию при составлении мирного договора в Балканскую войну 1877—78 гг. и даже — о парадокс! — о способствовании Запада заключению более приемлемого для России мирного договора с Японией, нанесшей русской армии тяжелое поражение в русско-японскую войну 1904 г. Чего бы Западу не воспользоваться было в упомянутых случаях и не аннексировать хотя бы часть русской территории? Причины этому были разные, но факт остается фактом: Запад не пошел на это, хотя и дружды большой с Россией у него не было — как не было ее никогда и между самими западными державами. И нужно заметить, что благоприятные случаи не использованы были западными "империалистами" еще в доатомную эпоху, а сегодня, при так называемом равновесии сил (страха...), трубить советам об угрозе порабощения Западом страны является просто дичью, но для подсоветского народа эта назойливая пропаганда имеет большие последствия, она наносит тяжелую травму его психике, травму, играющую огромную роль в стабилизации варварского режима, роль барьера на пути к освобождению страны от этого режима.

Скажут: Запад в прошлом не нападал на Россию (тевтонские авантюры местного характера при Александре Невском, вторжение поляков в Москву в Смутное время, как и более серьезные авантюры Наполеона и Гитлера — не в счет: они не отражали действительного лица Запада), но теперь советы не могут быть уверены в том, что избегнут нападения Запада. Это верно. Но на это можно ответить: Запад решится пойти на войну только в крайнем случае, если СССР первым бросит ему вызов, и это будет война уже не прежнего классического, дореволюционного типа, а война идеологическая, целью которой, со стороны Запада, будет защитить себя от агрессивного большевистского чудовища, уничтожить его в его собственном гнезде.

Г. АЛЕКСЕЕНКО

КОММУНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Солженицын однажды справедливо указал на то, что марксизм распространяет зловонный трупный яд.

Этот трупный яд выделяют живые организмы. Вот почему коммунизм надо убить как можно скорей, а не ждать, пока он умрет сам собой, чтоб не получилось: "Пока солнце взойдет, роса очи выест".

Это отнюдь не барабанный призыв к медленному террору во что бы то ни стало.

Ликвидация "конструктивных" и "объективных" сил правящего слоя, конечно, благое дело. Однако прежде всего следует устранить трупный яд, т. е. марксистскую идеологию; необходимы разоблачения ее псевдонаучности, лживости и злобного мракобесия. Тут на первом месте "основа основ", т. е. диамат.

Внедрение диамата привело к наличию десятков миллионов безбожников. В парижской "Русской Мысли" К. Померанцев как-то раз

хорошо встряхнул “научную” теорию диамата коротким вопросом: “Не могло же все возникнуть вот так из ничего, а потом гармонично и целеустремленно развиваться и совершенствоваться?” (№ 3418). Честного ответа на такого рода вопросы ни Маркс, ни его последователи не дают.

Дело, к сожалению, в том, что марксистам свойственно постоянное стремление обмануть не только других, но и самих себя. Вероятно, поэтому приходится слышать, что подлинного коммунизма еще не было, но что он обязательно наступит, обеспечив безукоризненную справедливость и вечное благоденствие в отдаленном будущем, и что имя ему — “коммунизм с человеческим лицом”. Но вот прошло уже больше ста лет с тех пор, как Карл Маркс умер в 1883 году, а коммунизма с человеческим лицом все еще нет. Обычно вина за это сваливается, в зависимости от обстановки, на те или иные внутривластные банды: банда четырех, ревизионисты, уклонисты (правые и левые), сторонники культа личности, банда Троцкого, банда Бухарина и т. п. Коммунизм-де был бы хорош, если бы не банды...

Термин “коммунизм с человеческим лицом” заслуживает особого внимания, потому

что он исходит от самих марксистов, которые таким образом, пусть и очень деликатно, но все же так признают, что у коммунизма никогда не было и до сих пор нет человеческого лица.

Но какова ж тогда его внешность?

Картина знакомая: голова будто человеческая, а хвост крысиный, только длинней. Ноги и рога козлиные, а зубы волчьи.

Марксизм основан на вере в зло, маскирующееся, по мере сил, под добро. Критическое мышление марксистам чуждо, и никто из их вождей и идеологов еще открыто не признавал, что по приходе к власти коммунизм всякий раз появляется не с человеческим лицом, а с вышеописанной непривлекательной внешностью. Мудрено, конечно, приделать человеческое лицо к такой голове, но попытки продолжаются. При этом значение придается, как видим, внешности — лицу, а не внутреннему содержанию — душе. Лицо еще, может быть, как-то можно приделать новое, а вот душу подменить нельзя. Важно, очевидно, подделывать внешность, чтобы обмануть других и самих себя.

Такой прием характерен, и он подтверждает, что ложь — главное оружие коммунизма с любым лицом.

В. КОБЫЛИН

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ”БУЛЬДОЖЬЕЙ ХВАТКИ”

Уже не в первый раз приходится писать по поводу статей А. Федосеева. Прежде всего надо сказать, что А. Федосеев пишет интересно, это несомненный эрудит, и его высказывания по тому или другому поводу вызывают интерес у квалифицированных читателей.

Но вот несколько слов о его статье “Бульдожья хватка” (Г. З. № 33). А. Федосеев пишет, что “бульдожья хватка” чрезвычайно характерна для социализма, но что “чудовищным бульдогом не были ни Ленин, ни Сталин, ни другие вожди. В роли бульдога на службе вождям выступали многомиллионные массы жителей страны”. Это точные слова А. Федосеева. Далее А. Федосеев задает риторический вопрос — “что их заставило выступать в такой роли и так направленно именно в пользу советской власти, как будто в каждом сидел маленький Ленин или Сталин, которые даже не нуждались в команде и руководстве, чтобы действовать “правильно”? — Сила убеждения вождей? — Могущество идей социализма? — Ясно, что нет”.

И далее А. Федосеев подробно описывает, как все это вышло. Захватив власть, социалисты (коммунисты, большевики) сразу стали

применять насилие против населения. Но массовый террор, пишет А. Федосеев, против миллионов невозможно проводить без соответствующих миллионов исполнителей.

Средством для построения системы единовластия социализма явилась национализация хозяйства страны, то есть ликвидация частной собственности и свободной торговли. Далее А. Федосеев пишет, что “в условиях революции для национализации было достаточно декретов” и что “массы, всегда жадные до чужого, до бесплатного, немедленно бросились исполнять такие привлекательные для них декреты”.

В своем дальнейшем изложении А. Федосеев утверждает, что после этого “началась разруха и с этого момента возврата к прежнему уже быть не может”. После этого появился новый, единственный и всеобщий хозяин — большевистский вождь со своей командой, и массы, включая крестьянские, должны были обратить свои взоры к новой, единственной власти, ожидая от нее руководства. Нужно было помогать новой власти создавать новый порядок. Таким образом, в результате ликвидации частной собственности и свободы торговли

именно большевиками, большевики и получили власть командовать массами, превратив массы в исполнителей своей воли.

Далее А. Федосеев подробно пишет, как Сталин ликвидировал миллионы со своим "особым мнением", что привело к полному единовластию. Социализм был построен.

Но после этого массы почувствовали, что построили, как пишет А. Федосеев, вместо земного рая крошечный ад рабства и нищеты. И тут якобы начинается новый исторический этап. Массы постепенно перестали служить социализму и начали его теперь так же автоматически разрушать, как раньше строили. А. Федосеев утверждает, что этот поворот произошел в середине шестидесятых годов и с тех пор это "творчество" масс наращивает силу.

Далее автором статьи утверждается, что "новых вождей, новых директив и новых целей еще нет, но новая разруха, которую массы постепенно создают теперь, неизбежно приведет к их появлению".

Сегодня массы разочарованы и не хотят добросовестно работать, а правители оказались в тисках социализма и "им буквально не дыхнуть". А. Федосеев полагает, что "власть начинает ускользать из рук управителей. Теперь те же общественные средства производства безотказно организуют массы на разрушение социализма. "Бульдोजья хватка" масс и в этом случае чувствуется и не может не привести к ликвидации общественной собственности и с нею социализма".

Это очень краткое содержание "Бульдожьей хватки" А. Федосеева. Статья эта снабжена коротким послесловием редакции, в котором говорится, что автор статьи, при всей пронизательности своей критики социализма, слишком уж просто представляет себе схему истории Советского Союза и судит субъективно.

По мнению автора статьи, миллионы верили во что-то, помогая социализму, и теперь миллионы разочаровались, как и автор же статьи.

Редакция удачно отмечает, что уже во время войны (второй мировой) почти все слои населения были против власти. А теперь свалить коммунистическую диктатуру крайне трудно, труднее, чем это могло бы быть в 1941—42 годах.

Теперь разберемся подробнее во всем, что было сказано. А. Федосеев дает, так сказать, схему захвата власти большевиками для насаждения социализма. Захват этот произведен большевиками. Но задолго еще до октября 1917 года что-то происходило, что дало предпосылку возможности большевистского переворота.

Еще до первой мировой войны в России происходила дифференциация общественно-

сти, в особенности с появлением Государственной Думы. В Государственной Думе были представлены партии правые, так называемые "цензовые", и левые всевозможных оттенков. Так вот эти "цензовые" партии (кадеты, октябристы), в которых находились представители интеллектуальных кругов, вместо плодотворной законодательной работы, все свои усилия истощали в резкой оппозиции к правительству. Начиная еще с I-ой Государственной Думы, которая закончилась "Выборгским воззванием", Партия Народной Свободы (кадеты) позволила себе выпустить это воззвание, в котором население призывалось не платить налогов, отказываться идти на военную службу и т.д. Это был явный вызов власти. Дума была, конечно, распущена, и назначение на пост главы правительства П. А. Столыпина, который энергично взялся за восстановление порядка, предохранило страну от дальнейших эксцессов. Во всех дальнейших событиях ясно было видно, как цензовая общественность играла на руку левым (социалистическим) группировкам.

С началом первой мировой войны появились патриотические настроения, но вскоре они коренным образом изменились и начались сперва нарекания на правительственные верхи, а затем самая настоящая травля правительства и носителя верховной власти. Обе столицы были полны самых отвратительных, грязных сплетен, слухов, причем имя Распутина повторялось в невероятнейших вариациях, разнося повсюду безответственные слухи.

Тут можно привести параллель с настроениями в Париже накануне революции, когда королеву Марию-Антуанету поносили повсюду, от салона герцога Орлеанского до трущоб Парижа. Тут была и злостная клевета об ожерелье, и сплетни о Ферзене, и прочие мерзкие ложные слухи. Очевидно, революции делаются по одним и тем же рецептам.

В Российской же Империи "бескровная февральская революция" была не чем иным, как солдатским бунтом запасных батальонов Петроградского гарнизона.

Вся гвардия и все кадровые воинские части были на фронте, а в столице остались вот эти запасные батальоны, состоявшие из мобилизованных рабочих столицы, сплошь распропагандированных социалистами.

Социалист Кирпичников, унтер-офицер запасного батальона Волынского Полка, убил своего ротного командира, капитана Лашкевича, и вывел свой взвод на улицу, где находились бастовавшие рабочие. Произошло "братание" рабочих и солдат. Так начался этот бунт, который перешел затем в революцию из-за того, что Государственная Дума, вместо того, чтобы выполнить повеление Государя и разойтись (было выпущено распо-

ражение о роспуске Думы), примкнула к бунту солдат.

Затем сразу же возникло двоевластие, когда в помещении Думы в одном зале заседали члены Думы (будущее Временное Правительство), а в другой — совет рабочих и солдатских депутатов, который фактически стал управлять всем. Совет состоял сплошь из социалистов, и прибывавшие воинские части признавали только совет.

Этот же совет на второй день революции выпустил пресловутый приказ № 1, который и закончил с государственным порядком и узаконил, так сказать, анархию.

В совете в то время никаких большевиков не было и в помине, а сидели социалисты-революционеры, интернационалисты, меньшевики и трудовики.

Но "разруха" была сделана именно этим приказом, и к приезду Ленина, Троцкого и других корифеев большевиков подходящая атмосфера была создана.

Теперь к вопросу, почему массы пошли на "разруху"? Посмотрим, что говорит Достоевский в своем "Дневнике". Достоевский прямо утверждал, что социализм уничтожит свободу личности, ликвидирует частную собственность и разрушит семью. Достоевский объяснял "успех" социализма следующим образом: "Пролетарий идет за руководителями и организуется в битву единственно потому, что прельщен обещанным грабежом и взволнован перспективу разрушения и битвы" (Дневник, том XI — 66).

И дальше Достоевский пишет: "Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас для нее надежного отпора, ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и пре-

вращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются. Предвидится страшная, колоссальная, стихийная революция, которая потрясет все царства мира с изменением лика мира сего. Но для этого потребуется сто миллионов голов, весь мир будет залит реками крови" (Дневник Писателя, 1876 г. Том X, стр. 63, 66). И дальше: "Да, новый дух придет, новое общество восторжествует. В этом не может быть никакого сомнения. И этот злой дух близок — наши дети узрят его. Мир спасется уже после посещения его злым духом" ("Дневник Писателя", 1877, том XI, стр. 381).

Когда в России происходили такие страшные события как коллективизация, искусственный голод на Украине, страшный террор и беспросветная нужда, в Европе и Америке "прогрессивные" круги утверждали, что в России происходит "интересный эксперимент".

А вот что пишет Достоевский: "Европейцы ненавидят Россию и не имеют ни малейшего понятия о ней. Когда дело коснется России, то точно горячешный человек в темноте забормочет черт знает что такое. Европа русских не признает своими, презирает втайне и явно; считает низшими людьми как породу" (Дневник Писателя — 1877).

Говорить о том, как будет сокрушен социализм в России, очень трудно. Можно только сказать, что на пути к духовному возрождению русскому народу предстоит пройти через смирение и покаяние. И только тогда к народу вернется его духовная сила и достоинство, духовно-культурное призвание.

Да, у русского народа не хватило духовного мужества. И народ и "интеллигенция" отреклись от первородной свободы Духа. Будем надеяться, что в какие-то сроки произойдет очищение от всего, что так изменило весь облик народа.

А. ФЕДОСЕЕВ

НЕБОЛЬШАЯ ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Критика моей статьи "Бульдожья хватка" в Послесловии редактора, Веры Александровны Пирожковой (Г. З. №33), является весьма ценной для установления истины. Я не отказался бы дискуссию продолжить. Однако предложения от редактора сделать это не было сделано. Следовательно, дело на этом кончается, и читателям остается судить самим, "кто прав, кто виноват".

В Послесловии, однако, есть замечания в мой личный адрес, которые я считаю неверными и не могу оставить их без внимания. Нижеследующее есть необходимое, по моему мнению, разъяснение.

Нет ничего зазорного в том, что человек может сначала верить в социализм и горячо его поддерживать, а потом разочароваться и стать таким же горячим противником социализма. Миллионы людей, населяющих СССР, прошли этот путь. Этот путь прошли и Бердяев, и Бунин (прочтите его дореволюционное произведение "Деревня". От него и Ленин не отказался бы), и многие другие известные русские люди, включая полный состав знаменитой Думы или февральского Временного правительства. Миллионам людей на Западе еще предстоит пройти тот же путь.

Тем не менее, я этого пути не проходил

при всей его естественности. Когда произошла революция, мне было 7 лет. Ни мой отец, ни моя мать не были интеллектуалами и социализмом не занимались, а революция резко ухудшила нашу жизнь и сделала ее очень тяжелой. Наш подход к происходящим событиям был очень прост: нужно было стараться выжить. Мы все, и я в том числе, никакой политикой не занимались. Наш кодекс веры не включал в себя веры в социализм. О социализме мы могли лишь повторять расхожие чужие суждения, не вникая в суть и не зная социализма. Большинство мероприятий советской власти в нашей семье осуждалось. У меня просто не могло возникнуть веры в социализм.

Однако жить было нужно и именно в этой стране, в которой мы все родились. И отец и мать были еще молоды (революция застала их тридцатилетними), и, конечно, кончать жизнь самоубийством они не предполагали. Оставалось только надеяться на лучшее будущее нашей страны и на нашу звезду.

Естественно, это требовало от нас достаточной лояльности по отношению к своей стране: неразумно плевать в колодезь, из которого воду пьешь. Конечно, это не было лояльностью к социализму. Его суть была для нас еще в полном тумане, и происходящие события нами не обобщались.

Всему этому способствовало, что мы все время были в разъездах, как позднее и я сам. Власть не успевала нас разглядеть, чтобы отправить на тот свет или в концлагерь. Мы тоже не успевали вглядеться в местные события и составить достаточное их обобщение. Тем более, что все силы приходилось тратить на сами переезды, на устройства на новом месте, на ознакомление с новыми и новыми людьми. А мне еще приходилось учиться.

В наших переездах мы общались с огромным числом все новых и новых людей, но всегда лишь короткое время. Слишком короткое для того, чтобы можно было проследить их судьбу достаточно полно. Если бы мы сидели на одном месте, мы знали бы много меньше людей, но значительно полнее знали бы их судьбу.

Мой, в сущности первый, контакт именно с социализмом, с его системой произошел только тогда, когда я стал начальником лаборатории научно-исследовательского института.

Необходимость организовать не только свою личную работу, но и работу других довела до моего сознания явное противоречие между приказами сверху и тем, чего требовали работа и здравый смысл. До этих пор у меня не было никакой нужды понимать социализм и разбираться в нем. До этих пор была просто жизнь со всеми ее счастливыми и несчастными, с трудностями и их преодолением. Сам лично, для себя, я умел преодолевать затруднения до-

статочно удовлетворительно, чтобы выживать. Теперь, чтобы руководить работой подчиненных мне людей, этого было недостаточно. Это потребовало от меня изучения системы. Я должен был понять, как и почему она действует, чтобы как-то защитить не только себя, но и мой коллектив от ее глупых приказов и указаний сверху. Я не хотел, чтобы мои подчиненные сочли меня глупцом потому, что я обязан был реализовать эти глупые приказы. Любое изучение начинается с принятия некоей гипотезы, объясняющей суть дела. Я начал с весьма популярной среди масс гипотезы: все недоразумения происходят потому, что управляющая нами верхушка зла, глупа, некомпетентна, нечестна и т. п. Как и многие миллионы, я считал, что глупые приказы могут исходить только от глупых людей. Как жестокие приказы от жестоких людей, нецелесообразные приказы от некомпетентных людей и т. д. и т. п.

Я уверен, что множество людей, умевших выживать при социализме самостоятельно, попав в аналогичные моим условия, вынуждены были тоже к соответствующему изучению и пониманию системы. К примеру, один из авторов этого журнала, Дора Штурман, еще раньше меня попала в такие условия, став учителем, т. е. руководителем еще более чувствительного к социалистическим несуразностям коллектива.

Ко времени принятия исходной гипотезы я уже имел доступ в верха системы: к нашему министру, в другие министерства, в Госплан, в Комитет по труду и зарплате, в ЦК КПСС и в длинный ряд других организаций и учреждений.

Моя гипотеза потерпела полный крах. Среди всех этих начальников, как и в общей массе населения, можно было найти и не очень умных и не очень компетентных людей. Однако, как правило, эти люди были и не глупы, достаточно компетентны и особых признаков нечестности или непорядочности не проявляли. Это были обычные люди, конечно, не забывающие своих личных интересов и преследующие эти личные интересы при возможности. Существенных отличий в плохую сторону от рядовых работников, от моих коллег и товарищей у них не было. Конечно, возможности начальников в удовлетворении своих личных интересов были соответственно больше, чем у рядовых работников. Однако в этом нет ничего особенного и нового по сравнению с тем, что известно из прошлого, из истории. Огромное отличие и особенность заключалась в том, что советские начальники воздействовали на людей и события с небывалой в истории силой и повсеместностью. От этих воздействий не было куда скрыться, и они распространялись на всех людей.

Я увидел и понял, что вся эта масса началь-

ников издает глупые приказы и даже разрушительные для дела приказы потому, что они в точности соответствуют интересам не нас с вами, не реальной работы, не страны как таковой, а интересам социалистической системы.

Если все хозяйство страны обобществлено, то совершенно необходимо единое (значит, централизованное) руководство им. Это, в свою очередь, означает необходимость единовластия. Т. е. власти единственного вождя с его командой исполнителей над послушным населением. (Как можно было достигнуть этого единовластия, все теперь знают.)

Это означает далее, что не может быть свободного рынка и свободной торговли, которые, конечно, будут нарушать единство управления, приводить к хаосу и к ликвидации единовластия, т. е. социализма.

Отсюда следует, что население ни в коем случае не должно снова обладать средствами существования другими, чем происходящими от социалистического государства. Не должно выходить за рамки самостоятельности, определяемые самим социалистическим государством. Колоссальная трудность перед социалистическим государством в том, что в таких условиях еще и нужно заставлять население добросовестно работать.

Отсюда вытекает невероятная трудность сохранения социализма и его единовластия. Интересы хозяйства, людей, любого дела могут быть только на втором плане. Условия сохранения единовластия, законы этого единовластия, проявляющиеся в законах централизованного планирования, т. е. единовластного управления страной, естественно должны коренным образом противоречить законам нормальной экономики, нормального дела и, конечно, законам здравого смысла.

Нечего удивляться, что приказы и распоряжения в СССР воспринимаются людьми, стоящими на позициях здравого смысла и нормальной экономики, как нелепые и очень вредные, а управители, эти приказы выпускающие, рассматриваются как злые, нечестные, глупые, некомпетентные.

Несколько примеров. Составив план работы подразделения и получив его утверждение, я уже не мог его изменять, и просить об его изменении было бесполезно. План же этот, как правило, по ходу событий приходил в противоречие с интересами именно того дела, для которого он был составлен. В любом несоциалистическом государстве он был бы изменен и приведен в соответствие с ходом событий.

При социализме мой план является частью огромного, невероятного по сложности плана всей страны. Если разрешать эти частные планы менять, все экономические балансы плана всей страны будут разрушены. Будет хаос. Управление страной станет невозможным. **Единовластие исчезнет, исчезнет социализм.** Этого

допустить не могут именно умные, а не глупые управители. Они были бы глупцами, если бы разрешили это.

Платить людям тоже можно только столько, сколько запланировано заранее на год или пять лет вперед. Если этого не сделать, будет разрушен баланс между совокупностью зарплат и совокупной стоимостью запланированных и произведенных в стране товаров и услуг.

Мой здравый смысл подсказывает мне платить человеку больше, если он наработал больше. Однако мой здравый смысл противоречит законам централизованного планирования.

Мой же здравый смысл подсказывает мне платить моему великолепному механику Белоусову много больше, чем всем остальным. Централизованное планирование позволить это не может: в масштабе страны мое своеволие могло бы нарушить уже указанный баланс. Сам же централизованный план в его невероятно огромной массе цифр и раскладок не может рассмотреть именно моего Белоусова. Белоусов остается оплаченным меньше его трудового и мозгового вклада. Вот, если бы я был хозяин-собственник, я бы этого Белоусова оплатил по заслугам.

Пока я смотрел на жизнь, как на жизнь, а на людей и начальников, как на независимых личностей, все было нормально. Так действовали и смотрели миллионы в населении страны. Ругать начальников (критиковать) даже поощрялось. Даже Брежнева можно было ругать без особой опасности. Конечно, с осторожностью.

Когда же я понял, что дело не в начальниках, не в людях, а в системе социализма, т. е. в системе единого руководства страной и централизованного, единого, сбалансированного (как никак) планирования, я одновременно понял, что я превратился в весьма опасного для системы социализма человека, которого эта система обязана уничтожить, как и многих других таких же. Для системы другого выбора не было.

Системе были мало опасны правозащитники, усовершенствователи социализма, критиканы и т. п. люди, либо не знающие сути системы, либо знающие, но предпочитающие саму систему не разрушать. А такие "диссиденты", как А. Зиновьев, который сам себя называет гомосоветикусом, могли даже служить послами-защитниками коммунизма и его пропагандистами на Западе. Такие, как я, должны быть уничтожены.

Мне остался лишь один выбор: быть уничтоженным или бежать из страны социализма. Я предпочел бежать и сумел преодолеть весьма серьезные препятствия к этому достаточно успешно.

В заключение я хотел бы отметить, что, в силу моей личной истории, у меня не было той

острой (и вполне справедливой), глубокой ненависти к советским властям, к строю и к социалистическим порядкам и даже к людям, которая естественна для многих жертв этого строя.

Мои суждения о событиях в стране, о людях там, о социализме вполне рассудочны и не очень искажены эмоциями ни ненависти, ни любви.

Только позднее мое рассудочное понимание социализма стало постепенно обрастать эмоциями. Однако, я все еще думаю, не настолько, чтобы потерялась моя субъективная объектив-

ность. Об этом, конечно, судить читателям.

Подробнее эта личная история изложена в моей книге "Западня", к которой я отсылаю читателей, интересующихся подробностями.

От редакции: Мы не думали, что надо специально приглашать на дискуссию. т. к. уже в первом номере писали, что дискуссии — цель журнала. Если произошло недоразумение, то мы спешим его исправить и приглашаем А. Федосеева и других авторов на дискуссию.

В. Пирожкова

А. ФЕДОСЕЕВ

ВЫСОКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА ЕСТЬ САМОУБИЙСТВО

ИНСТИНКТ ТВОРЧЕСТВА

Однажды, сидя на скамейке в одном из скверов Ниццы, я наблюдал следующую сценку. На доске, огораживающей кучу песка, сидит молодой папаша и читает газету. Его сынишка, лет трех-четырёх, тут же строит из песка какие-то сооружения. В какой-то момент папаша обращает свое внимание на деятельность сына. По-видимому, он находит ее недостаточно целесообразной и бросается сыну помогать. Эта помощь приводит к неожиданному взрыву эмоций со стороны сына. Сын приходит в ярость. Вскикивает, кричит, разоряет дотла свое сооружение, которое до того так усердно и увлеченно строил. Окончание: сын сидит на песке и плачет. Отец безуспешно его успокаивает. В чем дело? Мне кажется, что эта сценка ярко показывает существование инстинкта личного творчества у людей и яростное, в данном случае, сопротивление даже ненамеренному его подавлению. Ясно, что творчество этого трех-четырехлетнего ребенка внушил ему не папаша. Оно, на мой взгляд, содержится в самой природе людей, в их генах. Другое дело, что этот природный инстинкт оказался очень сильно выраженным именно у этого мальчика. У других детей и у взрослых людей он может быть слабее. Обстоятельства жизни тоже могут не способствовать развитию этого инстинкта.

Тем не менее, весь мой жизненный опыт говорит о том, что этот инстинкт творчества есть у всех людей без исключения, хотя в разной силе, проявляясь в различных областях их деятельности. У одних этот инстинкт развит так сильно, что человек создает космические корабли и делает открытия. У других это выражается практически незаметно, в выборе деталей, может быть, и незначи-

тельных, в способе исполнения чьего-то приказа. Однако и в этом последнем случае полное устранение возможности этого незначительного творчества вызовет существенное недовольство человека и чувство унижения его человеческого достоинства. Именно так: унижения его человеческого достоинства.

Посильное творчество является чрезвычайно важной частью человеческого бытия.

Не трудно видеть, почему работа на сборочном конвейере вызывает такое отвращение, что только крайние обстоятельства заставляют человека принять ее: творческий элемент полностью исключен.

Шведская автомобильная фирма "Вольво" ввела, однако, разбивку процесса сборки на значительно меньшее число операций, но значительно более сложных, и тем ввела возможность известного творчества и работы мысли. Это нововведение идет в ногу с процессом всеобщего, я бы сказал, поумнения человечества и усиления его творческого инстинкта (правда, не всегда созидательного).

Инстинкт личного творчества, наряду с инстинктом самосохранения (эгоизма), является важнейшим свойством любого человека. По существу, все развитие человека и человеческого общества есть процесс проявления этого инстинкта в личном творчестве миллионов людей и в создании ими всей материальной и духовной культуры человечества.

Подавление этого инстинкта творчества чрезвычайно опасно для человечества. Оно ведет к социальным беспорядкам, а также к деградации людей и к общему упадку материальной и духовной культуры. Можно наблюдать, как в определенных условиях подавления творческого инстинкта он начинает проявляться не в творчестве созидания, а в творчестве разрушения, как прямом следствии ограничений, наложенных на полезное творчество.

Подавляющее число людей стремится к "правильной" организации жизни общества.

В своей жизни люди непрерывно сталкиваются с различными препятствиями для их нормальной деятельности. Автобусы вместо регулярной циркуляции заставляют ждать себя по полчаса и более, появляясь затем пачками в 2—3—4 машины. Поезда отменяются и опаздывают. Найти жилище становится почти невозможным, а множество домов и квартир пустуют. Пища, по утверждению многих, становится малосъедобной и даже вредной, дорожает с каждым днем. Люди, от добросовестной работы которых зависит и жизнь и деятельность других людей, работают плохо и даже бастуют. Инфляция, безработица, нищета вместо того, чтобы уменьшаться, растут и становятся хроническими. Газеты непрерывно вскрывают расточительство общественных ресурсов, воровство, взяточничество, кумовство, очковтирательство, спихотехнику, прямое безделье в аппарате управления страной и в самих представительных органах, призванных организовывать жизнь в стране на должном уровне.

В то же время, на своей работе люди часто могут наблюдать, как резко меняется и обстановка и производительность, когда прежний начальник сменяется новым, но более способным организатором.

Люди имеют возможность наблюдать прекрасно отлаженные производственные процессы на автосборочных предприятиях, на огромном числе других предприятий, в особенности массового производства. В таких предприятиях весь процесс чрезвычайно высоко организован. Нет места ни растранижированию ресурсов, ни безделью. В пределах самого такого производственного процесса, как правило, нет также места ни воровству, ни взяточничеству, ни кумовству, ни очковтирательству, ни спихотехнике, ни другим вредным явлениям повседневной жизни.

Люди, создавшие эти чудеса наивысшей целесообразной организации, имели перед собой вполне ясную и определенную задачу и превосходно ее выполнили.

Спрашивается, почему же невозможно организовать регулярный транспорт? (Кстати, в Швейцарии он работает как хорошие часы.) Почему нельзя организовать строительство и распределение жилищ так, чтобы всем хватало и не было бы пустующих? Почему нельзя ликвидировать инфляцию, безработицу и нищету? (Кстати, в Швейцарии их практически нет — ликвидированы.) Почему невозможно ликвидировать, наконец, безобразия в управлении страной, о которых так много пишут газеты?

Ведь можно же, как показывает опыт многих производственных предприятий, так поставить учет и контроль, чтобы воровать,

брать взятки, заниматься очковтирательством и т.п. безобразиями было бы практически невозможно. Конечно, все дело в должной организации общества. Чувствуя свое личное бессилие, люди стремятся создавать мощные объединения, чтобы с их помощью бороться за "правильную" организацию жизни общества. На помощь приходят и "мыслители", показывающие, что общество вполне возможно организовать не хуже автосборочного завода, было бы только **желание и достаточная власть** у организаторов этого дела. Публика, естественно, "поднимает на щит" и прославляет таких "мыслителей" как выразителей существа вопроса, а также и воли народных масс.

Итак, правильная организация общества есть ключ к ликвидации "общественных безобразий", ключ к правильному использованию ресурсов страны. Высокая ("правильная") организация есть ключ к высокой производительности общественного труда, т.е. к высокому уровню и качеству жизни, как материальной, так и духовной. Ключ к всеобщему процветанию и счастью.

Какая же это "правильная" организация? А как, скажем, организация автосборочного завода.

Организации работы и организация жизни — "две большие разницы".

Давайте, однако, познакомимся поближе с условиями организации автосборочного или вообще любого производства.

Прежде всего, поступая на автосборочный завод, вы не собираетесь на нем жить. Вы собираетесь на нем работать для того, чтобы получить средства к жизни за пределами завода. Уже этот простой факт показывает, что для вас работа и жизнь не одно и то же. Затем, поступая на завод, **вы обязуетесь** выполнять все правила и инструкции, относящиеся к вашей производственной деятельности, неукоснительно. Вам ясно, что действовать по своему усмотрению (по своей прихоти) на заводе нельзя. Это может привести к серьезному нарушению производственного процесса и к тому, что его высокая организация превратится в хаос.

Следовательно, **вы соглашаетесь** в пределах своих обязанностей действовать целесообразно и полностью предсказуемым и заранее заданным способом. По существу, контракт требует от вас вашего превращения (в пределах завода или учреждения) в живой механизм и именно такой, какой нужен. Что бы при этом ни произошло, вы обязаны действовать вполне определенным образом для осуществления производственного процесса.

Еще одна важная особенность производства: как бы оно ни было сложно, все его элементы и факторы достаточно хорошо известны и находятся вполне в пределах челове-

ческого знания, понимания и памяти.

Давайте сравним теперь хотя бы эти условия с условиями вашей жизни за пределами завода.

В человеческой жизни действуют на каждого человека буквально миллионы заметных или незаметных факторов, требующих автоматического (со стороны организма) или волевого реагирования. Ни один человек их даже все не знает. В результате человек не может заранее предсказать свое поведение во всех деталях.

Говорят, например, что человек "встал с левой ноги" или "не выспался", когда его поведение необъяснимо для него самого и его окружающих, существенно меняется. Я уверен, что вам приходилось констатировать факт, что незначительное слово со стороны собеседника может вам буквально отравить весь дальнейший разговор. По необъяснимым причинам антипатии или симпатии вы можете реагировать на людей и события совершенно не в соответствии с их значением.

В своей жизни вы не только не машина, а, наоборот, весьма плохо предсказуемое существо, поведение которого определяется гораздо больше эмоциями, чем рациональными соображениями и целесообразностью. (По моей, довольно произвольной, оценке, процентов на 80 именно эмоциями.)

Если вы сами не являетесь целесообразным хозяином своей собственной деятельности (включая, естественно, деятельность организма), то какая же общественная организация может вместо вас самих организовать вашу жизнь? Ведь даже и на заводе вы не всегда можете соблюдать условия контракта, так как можете потерять самоконтроль. Далее, если вы сравните бесконечное множество факторов, определяющих вашу жизнь, с весьма ограниченным и **известным** набором факторов даже самого сложного производства или учреждения, вы увидите принципиальную разницу. Производство, как я уже отмечал, находится вполне в пределах способностей человеческого разума.

Жизнь же в ее бесчисленных проявлениях, причинах и следствиях, во всей ее непредсказуемости никогда не сможет быть понята и объяснена полностью.

Любовь и ненависть, низость и героизм, жестокость и милосердие, общительность и замкнутость, доброта и злость не могут укладываться в правила. В пределах завода или учреждения они должны подавляться как вредный, разрушительный для высокой организации фактор. 80% нашего, человеческого содержания на заводе или в учреждении, как правило, не нужны.

Организация жизни не имеет для своего осуществления ни ясной задачи, ни необходимых точных критериев, какие существуют

для любого производства или учреждения. У каждого человека свои собственные критерии для жизни. Сколько людей, столько и критериев. И критерии эти, как правило, крайне туманны и могут легко и быстро меняться под воздействием нашего жизненного опыта. То, что мы считали хорошим сегодня, завтра станет для нас абсолютным злом.

Наконец, можете ли вы представить себя, действующим в соответствии с миллионами правил, диктующих каждый ваш шаг в жизни, как это необходимо для высокой организации жизни по примеру автосборочного завода? Это было бы полной потерей свободы. Больше того, это было бы для вас физически невозможно, даже если бы вы на это согласились.

Поэтому организация жизни людей, организация человеческого общества не имеет ничего общего с организацией работы.

Организация жизни и организация работы — "две большие разницы". Тем не менее, люди не дают себе в этом отчета и продолжают считать, что все дело в несовершенности организации общества. Просто его нужно организовать по примеру превосходной организации производства. Такие желания или мысли возникают у людей в связи с действиями других людей, одного или многих. Как правило, каждый считает свою собственную организованность или правильную или достаточно приемлемой. А вот действия (жизнь) **других** и должны быть исправлены правильной организацией общества, ее воздействием на **других**.

Лет 200—300 тому назад огромные успехи человеческого разума в науке, технике, искусстве породили культ этого разума и веру в его всемогущество и способность совершить все, что мы захотим. Почему бы тогда не превратить существующее крайне неудовлетворительное общество в настолько совершенное, что оно будет для людей земным раем? Появилась идея высокоорганизованного человеческого общества — общества социализма — рая на земле.

Эта идея, по сути, и являлась отражением человеческих представлений о том, что все беды человека на земле есть простой результат недостаточно правильной организации (строения) общества. Если можно правильно и целесообразно организовать (построить) производство, скажем, одежды (как позднее автосборочное производство), то можно и всю жизнь правильно и целесообразно устроить. Тогда и "**другие**" будут действовать (жить) правильно и организовано, как и вы сами.

Идея "мыслителей", о которых было сказано выше, осуществилась. Организаторы общества социализма получили совершенно неслыханную ранее власть, превосходящую власть любого диктатора. Что касается жела-

ния организаторов создать совершенное общество, то и в этом нет оснований сомневаться. Условия для совершенной организации человеческого общества были налицо.

Результат оказался совершенно неожиданным: жить стало не лучше, а неизмеримо хуже.

Распространение действия организации социализма не только на работу и службу, но и на жизнь во всех ее проявлениях, чрезвычайно усилило все прежние беды, не устранив их, и создало новые, ранее неизвестные. Жизнь и работа в рамках общей организации социализма полностью перемешались. При этом чрезвычайно пострадала и организация производства. Она тоже превратилась в хаос, как и жизнь. Жизнь стала противной, как работа, а работа противной, как жизнь.

Совершенная организация — как совершенное самоубийство. Вы скажете, что реализованный в СССР зрелый социализм ничего не доказывает. Давайте тогда предположим, что осуществилось невероятное чудо: человек познал все принципы организации и работы, и жизни вместе и стал способен организовать свою личную и коллективную жизнь настолько совершенно, что удовлетворяются все требования граждан (в противоположность социализму) самым наилучшим образом. Общество стало настолько же хорошо организованным, как автосборочное производство.

Нетрудно сообразить, что тогда все миллионы людей всего общества должны будут неукоснительно следовать миллионам правил для каждого их шага. Правила, конечно, должны быть одинаковы для всех, кто бы ни выполнял данные обязанности.

Положение человека в обществе, его обязанности, его поведение в обществе и в личной жизни будут строго определены. Определены одинаково для всех, независимо от различных характеров и организмов каждого. Независимо от факта, что нет и двух одинаковых людей. Управители такого общества тоже не будут иметь никакого выбора, как только в определенных (всегда заранее известных) случаях "нажимать заданные и заранее известные кнопки".

Общество превратится в великолепную, совершенную машину. В таком обществе (фантастическом), как в земном раю, все желания (заранее заданные и известные) человека будут отлично удовлетворяться. Все будут счастливы.

Однако, будут ли счастливы? Конечно, не будут. Будут, наоборот, предельно несчастливы и недовольны. А "совершенное общество" будет людьми неизбежно разрушено, даже если бы его удалось построить. Почему? Потому, что совершенное общество, удовлетворив множество нужд человека, принципиально не сможет удовлетворить огромной

важности нужду в реализации инстинкта личного творчества. Т. е. нужду быть человеком: думать, решать, творить, совершенствовать свои знания, свой мозг и т. п.

Если оставить эту совершенную организацию достаточно долго, человек потеряет способность к мышлению, его мозг атрофируется и человек и физически перестанет быть человеком.

Задолго до этого, став винтиком великолепной организации, человек потеряет возможность разумной борьбы с неожиданными и ранее неизвестными стихийными бедствиями. Мышление резко ослабло, а правила есть только для заранее известных событий. Человечество будет уничтожено. А еще раньше прекратится всякий прогресс общества, и общество станет буквально гнить. Все развитие человечества есть результат в какой-то степени независимого творчества каждого из миллионов людей. Легко понять, что совершенная организация ликвидирует всякую возможность индивидуального творчества людей и тем останавливает всякое развитие общества.

Любопытно и очень важно, что в совершенной организации и важнейший инстинкт человека — инстинкт самосохранения — должен быть ликвидирован. Ведь в совершенной организации человек должен следовать установленным правилам. У него нет никакого выбора поведения с целью самосохранения. Все связаны друг с другом в одну общую, огромную и обязательную систему. Таким образом, совершенная организация не может также терпеть никакого эгоизма (свойства, неотъемлемого от человека).

Следовательно, совершенная организация должна будет превратить человека в нечто, совершенно отличающееся от человека. Эта совершенная организация приведет к самоубийству человечества через превращение людей в механизмы, неспособные к самосохранению и к саморазвитию.

Конечно, совершенная организация невозможна. Тем не менее, люди удивительно настойчивы в стремлении к ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недавно я прочел замечательную небольшую книжку "Вопрос равновесия" ("A question of balance") мужа королевы Англии принца Филиппа. Он почти в тех же выражениях, что и я, высказывает сильнейшую тревогу по поводу происходящего на Западе (и почти законченного в зрелом социализме СССР) процесса постепенного превращения людей в винтики огромной и всемогущей, высокоорганизованной государственной машины. Процесса, по существу, ликвидирующего человека

как такового и заменяющего человека во всем потрясающем многообразии его свойств примитивным "совершенным механизмом".

Он предостерегает и против идей мирового правительства. Миллионы "микрорешений" миллионов людей в условиях здравого смысла и ограниченной власти каждого определяют наше будущее вернее, говорит он, чем все "макрорешения" правительств и международных агентств. Если бы еще принц Филипп знал, что такое социализм в СССР, в Китае и других странах! Пожил бы там и поработал бы там, ему были бы ясны и рецепты предотвращения бесчеловечного процесса. К сожалению, его знание социализма крайне ограничено. Поэтому он, по существу, останавливается на превосходном и вполне правильном анализе существующего, давая лишь не очень убедительные советы по части будущего: сбалансировать философию, политику и администрацию между собой. Тем не менее, его книжка представляет собой совершенно исключительное интеллектуальное событие на фоне всего того мусора, которым загромождают наши головы всемирно известные политики, экономисты, философы и тому подобные знаменитости.

Так или иначе, анализ процесса совершенствования организации на Западе и его блестящего завершения в СССР и других социалистических странах показывает, как несчастья людей и бесчеловечность общества нарастают пропорционально степени достигнутого совершенства. Опыт показывает, как инфляция, безработица, нищета, беспорядок и беззакония не только не ликвидируются "совершенствованием организации" общества, а превращаются в хронические язвы.

Между тем, именно миллионы людей, а не правительства и всякие "благотетели" могут, используя свой миллионный разум, миллионный творческий интерес и миллионный инстинкт самосохранения, миллионами разных способов находить пути к лучшей жизни и благополучию. Совершенствование организации постепенно лишает людей этой возможности позаботиться о себе и найти решение своим трудностям, а тем самым и трудностям общества.

Если бы такая совершенная организация общества США, какая существует сейчас, существовала бы 200 лет тому назад, богатейшая Америка не состоялась бы. Некому было бы противостоять СССР.

Кроме всего прочего, времена, когда массы людей были безграмотны, нуждались в вождах и сильном управлении, прошли. Серая, примитивная масса, скажем, крестьянства, существовавшая 2—3 века тому назад, исчезла. Ее место заняли массы грамотных людей с необычной ранее, ясно выраженной индивидуальностью. Людей, которые "сами с усами" и

которым не так-то легко навязать то, чего они не хотят.

Раньше организация общества могла быть весьма жесткой и не приспособленной к индивидуальности людей, поскольку эта индивидуальность еще не развилась в таких масштабах, как сейчас. Тогда организация общества все еще напоминала исходную для человечества организацию обезьяньего стада с жесткой и примитивной властью вожака.

Зрелый социализм в СССР и государственно-корпоративный монополизм на Западе пытаются возратить крайне индивидуализированное, более умное и способное нынешнее человечество к примитивной организации обезьяньего стада. В сущности, даже много хуже: к еще более примитивному, чем обезьянье стадо, "совершенному механизму". Эти соображения отнюдь не означают противопоставления беспорядка — организации и анархии — государственному управлению. Они означают, что нам нужно общество, в котором человек остается человеком, а не превращается в барана или в какой-то винтик.

Могут сказать, такое общество неосуществимо. Но оно не только осуществимо, но уже во всех его элементах существует. Только кусочки его организации находятся один в одном государстве, другой в другом, а еще новые кусочки в целом ряде государственных проектов, предлагаемых к осуществлению в той или другой стране. Больше всего этих кусочков сконцентрировано в одном государстве — Швейцарской Конфедерации. Задача в том, чтобы собрать эти существующие кусочки воедино и создать общество социального равновесия, а не жестокой классовой борьбы и борьбы гигантских монополий.

Я полагаю, что такое общество можно назвать обществом сбалансированной демократии. Проект Конституции такого общества предложен мной для обсуждения в книге "О Новой России. Альтернатива". Вкратце суть проекта в следующем.

1. Функции, законодательство, финансы, штаты и власть государства ограничены определенными рамками по Конституции, так чтобы граждане могли оставаться независимыми хозяевами своей судьбы, имущества и доходов.

2. Центр государственной власти и финансирования его аппарата находятся не на самом верху, как обычно, а в общинах (коммунитис). Два остальных этажа власти: автономные государства и Конфедерация финансируются общинами и служат для координации и выполнения функций, выходящих за рамки деятельности общин.

3. Государственная власть обеспечивает предотвращение появления монополий, гигантов и других чрезмерных концентраций поли-

тической, финансовой, экономической, партийной, профсоюзной власти над людьми.

4. Одна из главнейших задач государственной власти — обеспечивать свободное соревнование людей в направлении созидания, а не разрушения через обеспечение достаточно сильной конкуренции и свободы торговли.

5. Государство обеспечивает равенство всех граждан перед законом и не имеет права создавать законы в пользу той или другой части общества, отдельных граждан или их объединений.

6. Государство не имеет права вмешиваться в деловые и жизненные взаимоотношения людей, если они не нарушают правил общежития, не нарушают законных прав других граждан, не призывают и не осуществляют насилие, сохраняют общественный порядок.

7. Каждый человек будет зависеть от других граждан (а не от государства, как сейчас), с которыми он захочет иметь дело. Этим будут возвращены к действию взаимное уважение и сотрудничество. Эгоизмы миллионов трудящихся (весьма разрушительные для общества) и эгоизмы миллионов собственников-предпринимателей (в условиях конкуренции) будут умерять друг друга в миллионах взаимно выгодных соглашений на пользу всего общества и, конечно, их самих.

Такое общество совсем не будет земным раем безделия и наслаждений. Оно просто даст возможность каждому гражданину развивать и использовать свои способности на благо себе и, следовательно, на благо всему обществу. Уже сейчас становится ясным, что именно это все и составляет основу счастья, а не безделия и наслаждения.

Этот весьма краткий очерк, конечно, тоже может обсуждаться, но нужно иметь в виду, что он не является достаточно полным для окончательного суждения.

Я совершенно убежден, что рано или поздно люди поймут, что совершенство организации общества совсем не в том, чтобы превратить человеческое общество в некий фантастический и точный механизм. (И тем ликвидировать человечество, приведя его к самоубийству.) Совершенную организацию, как хорошие ботинки, человек должен употреблять, не чувствуя ее. Она должна быть похожа на организацию здорового человеческого организма, которого человек не чувствует, имея полную свободу действий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Полностью соглашаясь с автором, что в совершенно организованном обществе жить было бы нельзя (мы писали об этом в статье "Человек в тоталитарной диктатуре", "Новый Журнал", июнь 1967 г.) и вообще в основном соглашаясь со статьей, мы, однако, считаем

необходимым отметить наше несогласие с одним ее местом. Автор пишет: "Серая, примитивная масса, скажем, крестьянства, существовавшая 2—3 века тому назад, исчезла". Из этих слов явствует, что автор не знает крестьянства. Мне еще посчастливилось в очень молодые годы встречаться с старыми крестьянами, патриархами деревни, неграмотными или полуграмотными, и я всегда удивлялась их мудрости, их знанию жизни, не только природы и животных, но и людей, и самостоятельности их мышления. Крестьянство нигде и ни в какие века не было ни серым, ни примитивным. Каждый из них имел ярко выраженную индивидуальность, которая не сглаживалась массовой цивилизацией нашего времени. Уже одно то, что именно крестьяне приняли глубоко христианство, — несмотря на оставшиеся еще там и здесь суеверия, — показывает, что они не были ни серыми, ни примитивными. Повсюду крестьяне и до сего дня вернее хранят христианскую мудрость, чем многие горожане, а русское крестьянство даже не оставило себе отдельного имени, а назвало себя "христиане — крестьяне". Дальше автор пишет: "Их место заняли массы грамотных людей с необычной раньше, ярко выраженной индивидуальностью. Людей, которые "сами с усами" и которым не так-то легко навязать то, чего они не хотят". Читаешь и удивляешься: где эти ярко выраженные индивидуальности? Буквально все исследователи сходятся в том, что именно в наше время появился массовый человек, которому чрезвычайно легко навязать то, что хочет навязать ему ловкий демагог. Все массовые тоталитарные движения и диктатуры XX века ясно на это указывают. Грамотность нисколько не защищает от массового мышления, наоборот, она позволяет прочесть дешевые и модные политические брошюры и бежать за теми, кто не только красиво говорит, но и красиво пишет. Общеизвестно, например, что атеизм — удел полуобразованных, прочитавших несколько популярных книг и думающих, что они постигли всю премудрость человеческую. Английский католический писатель Брус Маршал описывает посетителей церкви, это были все больше простые люди и... несколько ученых с мировым именем, которые уже перешагнули через полуобразованность и пришли снова к простой мудрости веры в Бога. Другой известный английский писатель, верующий член Англиканской церкви, Люис писал о силах зла. Представительница зла говорит совершенно резонно: "С интеллигенцией-то мы справимся просто, они верят той газете, которую читают, труднее будет с рабочими, они все же иногда самостоятельно думают". Мне невольно вспоминается то, что я наблюдала, проезжая Синайскую пустыню. Тогда

она была под властью Израиля, и я приняла участие в 4-х дневной поездке по пустыне в автобусе. Автобус этот был только для нашей группы, но когда шофер увидел двух бедуинов, стоявших неподвижно среди пустыни, он остановил автобус и предложил им войти. Они вошли степенно, с большим достоинством, сделали легкий знак приветствия и молча сели. Через какое-то время они сделали знак шоферу, тот снова остановил автобус, они опять подняли руки в знак приветствия и вышли. Для меня там и тут была пустыня, ни дороги, ни знака. "Как они узнали, что им надо вылезать?" — спросила я одного из сопровождавших группу израильтян русского происхождения. "О, они свою пустыню знают!" — ответил он. И тут же с гордостью добавил, что израильское правительство старается ликвидировать безграмотность среди бедуинов, строит школы, конечно, арабские. "Египет этого не делал", — добавил он. А я спросила его, зачем они это делают. Будут ли молодые бедуины счастливее, если сумеют прочесть пару политических брошюр и разучатся "читать" пустыню, узнают о каком-нибудь демагоге вроде Арафата и побегут за ним, забыв свое спокойное достоинство и свою яркую индивидуальность? Гид удивленно посмотрел на меня. И он верил в единое благо грамотности как в современный фетиш. Думать оригинально он не умел.

Да, что говорить, в качестве профессора университета я ежедневно сталкиваюсь с весьма грамотными студентами без всякой индивидуальности, с левыми, повторяющими марксистские зады, которых никак нельзя заставить подумать самостоятельно. У меня-то их меньше, т. к. мой предмет — о России — лежит вне массовых путей немецкого студенчества и ко мне приходят скорее студенты с более ярко выраженной индивидуальностью (конечно, существуют и такие), а у левых постепенно отбило охоту спорить со мной. Многие же из моих коллег жалуются на стадность довольно многочисленных левых.

Дальше А. Федосеев пишет: "Раньше организация общества могла быть весьма жесткой и не приспособленной к индивидуальности людей, поскольку эта индивидуальность еще не развилась в таких масштабах как сейчас. Тогда организация общества все еще напоминала исходную для человечества организацию обезьяньего стада с жесткой и примитивной властью вожака". Да где А. Федосеев нашел в прошлом нечто похожее на "обезьянье стадо"?! Во всяком случае, в известной нам истории этого не найти. Средние века были, например, временем индивидуалистов, почти без централизованного управления, временем рыцарей с их развитым понятием чести, независимости, порой и самоуправства. Именно из-за отсутствия жесткой организации

было много междоусобных браней, что и повело в новое время к более жесткой организации общества в абсолютизме. Но и тогда подчинение монарху покоилось на высокой идее Государя Божией милостью, Помазанника Божия, что коренным образом отличалось от стадного рабленного повиновения вождям в 20-м веке. Но можно пойти еще дальше в древность, взять народные эпосы, греческие, римские или даже индусские Веды, можно взять "Песнь о Нибелунгах", "Песнь о Роланде", легенду о Робин Гуде, финскую "Калевалу" или наши славянские былины, — какие все сильные личности, какие индивидуальности, куда там нашим стертым массовой цивилизацией людям до них! И они происходили не только из высших слоев, вспомним хотя бы богатыря Илью Муромца.

Мне вспоминается советский фильм "9 дней одного года", подвергшийся потом разному в советской прессе. Там один молодой физик, сидя в ресторане, говорит другому: "Какое вдохновенное лицо у египетской царицы Нефертити, а посмотри вокруг себя, посмотри на этих неандертальцев!" В Египте, в древней Греции и Риме было рабство. Но тогда военнопленных или должников силою принуждали к роли рабов, так же как в 20-м веке заключенных концлагерей силою принуждают к тяжелым работам и рабскому существованию. Одни под этим гнетом почти лишаются индивидуальности, другие, наоборот, ее приобретают. Не иначе было и прежде. Самое глубокое религиозное учение восприняли сначала простые люди. Галлилейские рыбаки несли его гордому Риму, где тоже зачастую простые люди и даже рабы его воспринимали. Сколько нужно было иметь развитой индивидуальности и самостоятельного мышления, чтобы осознать и принять христианство вопреки привычным тогда языческим религиям!

Мы говорим о всех этих эпохах, т. к. А. Федосеев даже крестьян, живших 2—3 века тому назад, отнес к серым и примитивным. Мы спустились на тысячелетия назад и увидели, что ни о каком "обезьяньем стаде" тогда не могло быть и речи. Напротив, мы видим высокую культуру и ярко выраженную индивидуальность, в среднем гораздо более сильные личности, чем в наше время. Но, может быть, А. Федосеев имеет в виду "первобытное общество" исторического материализма? Не говоря уже о том, что у нас о нем нет точных данных, мы можем в наше время утверждать, что дожившие почти до наших дней в примитивной цивилизации племена и теперь изученные, показали высокую культуру их совместной жизни, устройства их общества, равно как и их верований. Достаточно только прочесть исследование о

бушменах, одном из наиболее отсталых племен по цивилизации.

Что же касается до "обезьяньего стада", то даже теория эволюции не говорит, что человек произошел от современной обезьяны. Эта теория утверждает, что когда-то существовал общий предок человека и обезьяны, ныне вымерший. Человек при этом — восходящая линия, а обезьяна — нисходящая.

Согласно же Писанию, человек с самого начала отличался от животного бессмертным духом, который вдохнул в него Господь. Телесно он мог происходить и, вероятно, произошел, из животного мира, возможно, от общего вымершего предка обезьяны и человека. Ведь Библия ясно говорит о материальном характере тела человека и, как выразился А. К. Толстой, "шматок глины не знатней оранг-утана". Но так же, как живой организм отличается от неорганической материи дополнительным элементом, называемым в философии "силой жизни" (по-гречески "энетелехия", по-латински "вис"), так же и человек отличается от животного бессмертным духом. Поэтому человек никогда не может стать

животным. Он может быть дьяволом по жестокости и коварству (несвойственным животным) и может быть святым, но животным он не может стать.

Н. Бердяев в своей книге "Смысл истории" справедливо указывает на то, что если и можно говорить об эволюции в рамках нашей истории, то это — вторичная эволюция. Это поднятие человека снова из тех низин, в которые он был низвергнут первородным грехом. Первоначальный, созданный Богом, человек был иным.

Так или иначе, крайне упрощенная, мы просим извинения у А. Федосеева, примитивная теория прогресса, которую он здесь излагает, не выдерживает ни малейшей критики. Мы бы очень приветствовали, если б А. Федосеев излагал свои интересные и достойные полного внимания и рассмотрения предложения на будущее без историософских экскурсов, слишком уж обобщенных и полностью искажающих действительное развитие общества.

В. Пирожкова

Владимир РУДИНСКИЙ

СТРАСТНЫЕ САМООБОЛЬЩЕНИЯ И БЕССТРАСТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(Ответ г-ну Померанцу)

В № 1—2 журнала "Страна и Мир" помещена статья Г. Померанца, имеющая целью возражения мне и ныне уже покойному М. Сергееву. К сожалению, автор форменно растекается мыслию по древу и впадает в крайнее многословие, приплетает без всякой нужды историю религии и другие, вовсе не идущие к делу вещи. Постараюсь ему не подражать и ответить кратко и ясно.

Померанц убежден, что единой истины нет. Не могу с ним согласиться. Когда встают в области морали на позиции релятивизма, — очень плохо получается: современный Запад тому пример. Кстати, в религиях земного шара (как, помнится, указывал Честертон) удивительно не то, что они различны, а то, как они похожи друг на друга. Великие мировые религии, да и большинство примитивных, расходятся в догматах; моральная же основа у всех одна. Христианство только шире других, уча любви ко всем людям; тогда как первобытные религии требуют лишь любви к ближним в узком смысле слова, — к членам племени, к единоверцам. Есть, правда, религия типа финикийского поклонения Молоху или страшного, кровавого культа ацтеков, — в них чувствуется дыхание

дьявола (сошлюсь еще раз на Честертон), но таких сравнительно мало, и они не типичны.

Напрасно совершенно Померанц жалуется на **интонацию** своих противников, приписывая себе спокойную и доброжелательную объективность. Его нападки на Солженицына (из-за которых и возник спор) были построены вовсе в иной манере. Отсылаю читателя к его статье и к моей собственной, где я его избыточно цитирую. Именно он не брезговал ни издевательством, ни даже передергиванием. Бог с ним, но тогда не надо обижаться на других.

Отведем и другой его прием. Он подчеркивает, что на него, мол, нападают сразу и большевики и эмигранты (у них, мол, одни взгляды, одни цели). Для большевиков, ясно, всякая оппозиция, всякое несогласие с их программой нестерпимы. Но спорят-то с ними с весьма разных позиций: мы — с таковых любви к исторической России; иностранцы нередко с позиций ненависти к ней; самостийники, исходя из мечты об ее расчленении и уничтожении; оппозиционные марксисты и троцкисты, — ссылаясь на "Капитал". Значит, мы не можем со всеми врагами советской власти (даже если к ним Померанц

и принадлежит) находиться в единомыслии; имеем, очевидно, право с ними и дискутировать. Да вот ведь и сам-то Померанц атакует Солженицына, несомненного (и серьезного!) врага большевиков!

Главный тезис Померанца — яростное отрицание икон. Мы, как православные, признать его правоты не можем: почитание икон есть часть нашей веры; и, заметим, оно принесло художественный расцвет в сфере живописи. Впрочем, оставим и это в стороне. Померанцу важны не иконы сами по себе, а допустимость уважать великих людей, — писателей, ученых, национальных героев. Опять же, мы хотим и это право за собой сохранить. Данные люди сделали нашей стране великое благо, и справедливо, чтобы мы их с благодарностью вспоминали. Незачем навязывать нам какую-то слепоту: любовь и уважение отнюдь не исключают исследования, уточнения, пересмотра деталей, — но и они все это окрашивают в определенный цвет.

О Твардовском спорить не станем. Предположим, что Солженицын его, по личной дружбе, идеализировал и превозносил выше меры; на самом деле, он не был большим поэтом; оппозиция же его советской власти являлась более чем умеренной и вовсе неглубокой. Спорить с советским приспособленцем Лакшиным кажется нам полностью ничемным занятием.

Разбирая творчество Синявского и реакцию на оное в эмиграции, Померанц констатирует: "Синявский действительно склонен к кощунству". И роняет метафору: он плюнул на икону. Почему же ему, Померанцу, непонятно, что подобные действия нам представляются возмутительными? Он пытается смазать вопрос ссылками на любовь Синявского к Пушкину и Гоголю. Если сия любовь существует, то она такого сорта, которая предмету ничего хорошего не сулит и одни несчастья приносит. Бывает, верно, такая любовь (если ее позволительно так называть?), когда мужчина женщину бьет, истязает и унижает. Или даже, когда женщина мужчину дразнит, выводит из себя, толкает к отчаянию. От подобной любви сохрани Боже! А тут еще — разве Гоголь и Пушкин просили у Синявского любви? Мы уверены, они бы от чувств Синявского наотрез отказались и отмежевались!

Скажем еще: почему Померанц здесь усматривает специфически эмигрантские переживания? Обыкновенные люди, и в СССР тоже, вряд ли оценят кощунство Синявского (об узком круге диссидентских снобов не говорим: у тех вот, в самом деле, — особая и искаженная оптика).

Кстати, не мы отвечаем от сути, а сам Померанц, — напрасно он сомневается, что еретики всегда считали ортодоксально верую-

щих как раз за худших еретиков (он отделяется формулой: это было давно и неправда). Довольно взять Англию, где победившие протестанты еще более жестоко преследовали католиков, чем те их когда-либо прежде.

Он уверяет нас, что в СССР сейчас все оценки шатаются. Вряд ли (это вот в его окружении так). Но даже будь и так, на наше счастье, мы в этом шатании и качании не участвуем — и участвовать не хотим. Для нас правда, справедливость и простой здравый смысл остаются на своих местах.

Тут у Померанца начинают заметные передержки, достаточно ловкие, чтобы за их мельканием трудно было уследить. Попробуем все же. Расшатывание марксистских догм — это одно; расшатывание догм моральных и религиозных — совсем другое (как факт речь идет о двух взаимно противоположных процессах). А отношение к нашей литературе сродни скорее этим последним.

То, что большевики хотят использовать наших классиков (и всех великих людей России, да и всего мира) в качестве своих подпорок, оно верно. Но вот тут-то бы и сказать, что это — неправда. Причем, вопиющая. Пушкин и Гоголь говорят сами за себя, пока их читают; и они не с большевиками, а против них, они на деле, проповедуя вовсе иное, подрывают устои советского строя.

Если какая-то часть советской интеллигенции занимается пародиями на Шекспира (вот он-то вовсе и не русский даже!), метя в советскую власть, тут налицо пустое ребячество. Перефразируя Твардовского, воскликнем: Шекспир — при чем же тут Шекспир?

Надо понять, что методы анекдота, частушки, армянского радио годятся в плане антисоветской пропаганды, — но они абсолютно неприменимы к литературоведению или историческому исследованию.

Мы же в таких извращенных играх во всяком случае не хотим принимать участия!

Вообще в мышлении некоторых диссидентов неприятно поражает их крайняя несамостоятельность, их внутреннее безличие. Своего отношения к классикам у них нет; оно определяется взглядами — в текущий момент — Кремля и должны непременно быть — наоборот. Что, в сущности, позволило бы большевикам легко ими, при надобности, манипулировать.

Нам подобное в голову не вмещается. Но Померанц, наверное, просто не поверит, если я ему скажу, что Пушкина читал с детства, для себя (в Советском Союзе и в сталинскую эпоху), и люблю не в силу и не вопреки той или иной пропаганды, а по интимному ощущению. Вот почему никакая власть компартии никак моих оценок изменить не в состоянии.

В заключение статьи Померанц берется за критику православия и атакует его необосно-

ванными и неправильными доводами. Никто в русском Зарубежье — или, как он предпочитает выражаться, — **диаспоре**, — не объявляет и не воображает православия русским изобретением, хотя оно и есть русская национальная вера. Общения с другими православными, — сербами, болгарами, румынами, — мы никак не прерываем. Одна из эмигрантских юрисдикций даже прямо подчинена патриарху константинопольскому, то есть грекам.

Равно и рассуждения о неспособности эмигрантов участвовать в обсуждении догматов, — вульгарно применяя это определение к литературе и к политике, — не соответствуют реальной действительности. И из новейшей эмиграции, и из диссидентов в СССР эмиграция делает свой выбор (хотя, конечно, эмиграция не едина во мнениях): Солженицына она в массе принимает, а Синявского отвергает; о Глеба Якунина почитает, а Померанц ей остается чужд.

Печатается в порядке дискуссии

В. КОБЫЛИН

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

За последнее время произошло и происходит много событий, которые могут коренным образом изменить существующее положение в мире.

Вся проблематика происходящего заключается в Советском Союзе. В нем происходит сейчас целый ряд изменений, которые могут направить весь ход развертывания (какое неприятное выражение!) событий самым роковым образом.

Вопреки, казалось бы, разумным соображениям, "ленинское направление" в отношении мировой революции остается неизменным. Проистекает ли это убеждение из современной коммунистической доктрины или к этому направляет существующее положение, это требует тщательного рассмотрения.

Уже в самом начале появления в России коммунистического режима основоположник советского феномена Ленин рассматривал его как "трамплин для прыжка на Европу" для "победного марша социальной революции". Заключение Брест-Литовского (похабного) мира тем же Лениным объяснялось необходимостью "додушить буржуев" в России, чтобы двинуться на Европу. Обстановка складывалась как будто благоприятно для этого плана. Гражданская война после начальных успехов Добровольческих формирований на юге, севере и западе страны по целому ряду причин складывалась успешно для советов. Не входя в оценку этого явления, можно не обинуясь сказать, что в этом сыграли извест-

Померанц желал бы запретить подсоветским людям прислушиваться к голосу эмиграции и осыпает горячими проклятиями всякие **шоры** и **утопанные тропы**. Рассудка тут мало: без ясных взглядов жить трудно (особенно в наши дни); в борьбе они не мешают, а помогают. Сбиться с тропы часто значит увязнуть в болоте (куда нас Померанц и зовет).

Как самым веским и убедительным аргументом, который он тщательно сберег для конца, он стучает нас фразой: "Это проверено практикой буддизма чань (японский дзен)". Ну и что же?!

Мы уважаем буддизм, прежде всего традиционный и настоящий, у тех, у кого он — народная вера (а не интеллигентская причуда). Но мы все же — христиане, и доктрины той или иной буддийской секты для нас ничуть не обязательны!

ную роль как внутренние, так и внешние обстоятельства. В это время еще многие верили большевикам и их пропагандным высказываниям в пользу устанавливаемого ими режима, а Германия, Англия и Америка шли им, так сказать, навстречу по целому ряду причин. Не забудем и Польшу, которая действиями Пилсудского чрезвычайно помогала советам победоносно закончить гражданскую войну.

Покончив с гражданской войной, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика устремилась в Европу, где после разгрома Германии и ее союзников силами Антанты царило крайне бедственное положение в побежденных странах. Коммунистам удалось захватить власть в Баварии, где в Мюнхене начала свирепствовать своя "ЧЕКА" и где два изувера, Левине и Левин, за короткое время убили сотни несчастных обывателей. В Венгрии воцарился такой же изувер Бэла Кун. Но, к счастью, в этих странах нашлись люди, которые ликвидировали эти попытки коммунизма закабалить их. В Баварии бывшие офицеры организовались в отряд под предводительством Риттера фон Эппа, который и положил конец коммунистической клике, а в Венгрии румынские части перешли границу и выдворили Бэла Куну "со товарищи". Последний отправился в Россию, где после разгрома Врангеля в Крыму творил кровавую расправу над оставшимися там офицерами. В Берлине происходили восстания

“спартакистов”, но Шейдеман и Носке, министры уже нового республиканского правительства, разгромили коммунистов.

“Победный марш коммунизма” не удался, и советы стали уничтожать, “душить” (по терминологии Ленина) “буржуев”.

Когда Сталин ликвидировал учрежденный Лениным НЭП и ввел колхозы и пятилетки для построения тяжелой промышленности, навстречу ему пошли и Соединенные Штаты и Англия, которые посылали ему видных инженеров и других специалистов, без которых построение этой промышленности не прошло бы так быстро и успешно.

Но коммунизм в Советском Союзе был спасен Франклином Рузвельтом, который во время войны буквально спас Сталина своими громадными поставками оружия, боевых припасов, самолетами, танками, средствами транспорта, продовольствием и всем, в чем нуждались советы, на сумму в 13 миллиардов дол. в золотой валюте*.

А в феврале 1945 года на конференции в Ялте за подписью Рузвельта и Черчилля вся Восточная Европа была отдана “в зону влияния” советов, и этим было положено начало бытия Советского Союза как сверхдержавы.

Соединенные Штаты из-за своего легковерия и беспечности очень скоро потеряли монополию атомной бомбы, и с этого времени советы стали наращивать свой военный потенциал. А уж когда при Никсоне (номинально) и Киссинджере был провозглашен пресловутый “детант”, то тогда быстрыми темпами начался рост военного преимущества советов, и такой же упадок военной обороны Соединенных Штатов. Наряду с этим, советы проводили по “доктрине Брежнева” захват всех важных в стратегическом положении стран, насаждая там “братские режимы”. Особенно катастрофическим стало положение во время администрации Джимми Картера. Незадачливый Джимми своей бездарной политикой привел к тому, что вся военно-политическая конфигурация во всем мире изменилась в пользу советов. Захват Эфиопии, Южного Йемена, Адена, а затем и Афганистана, появление режима Хомейни в Иране и сандинистов в Никарагуа, наряду с потерей боеспособной военной обороны Соединенных Штатов, поставили весь мир перед новой и крайне опасной ситуацией.

На счастье, на выборах 1980 года злополучный Джимми потерпел поражение и президентом Соединенных Штатов стал Рональд Рэйген. Это первый президент за 50 лет, который сразу приступил к укреплению обороны стра-

ны, к оздоровлению экономики, моральных принципов и прямо заявил о порочной сущности коммунизма.

Советы были ошеломлены: как, после всех предыдущих президентов, которые шли им навстречу, как Рузвельт, Труман, Айзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон, Форд и в особенности дорогой Джимми, и вдруг такой афронт?!

И тут начался пропагандный поход мира советов при помощи всех этих либералов, пацифистов, прогрессистов и прочего сброда, как в Европе, так и в Америке. И вдруг, опять-таки вопреки прежнему, — Гренада! Да как же так? Вся надежда, что в Белый Дом опять войдет этаким либерал и пойдет “навстречу”!

Но внутреннее положение в Советском Союзе складывается так, что все идет из рук вон плохо, кроме военного дела. Плохо с колхозами, транспортом, урожаями, с трудовой дисциплиной, существуют массовые хищения, воровство и пр.

Однако военный потенциал в полном порядке. Уже при Брежневе советская политика была направлена прежде всего на удовлетворение запросов армии. Началось бурное строительство атомных ракет и подводных лодок, надводного флота, танков и авиации.

Армия имеет сейчас, так сказать, все современные достижения в области техники. И экспансионистскую советскую политику проводят сейчас главным образом не политические, а военные власти. А сама партия находится в состоянии полного развала. Традиционная догма марксизма-ленинизма утверждала, что новое общество, пройдя через фазу социализма, достигнет своей высшей фазы — коммунизма. Но что же осталось от всех этих заявлений? Ничего, кроме экспансии с целью мирового господства и установления режима угнетения на всей планете. Не в силах достигнуть этой цели политическими или идеологическими средствами, партия прибегает к военным.

Роль армии поэтому растет. Но обесцененная внутри Советского Союза идеология еще увлекает людей в странах Третьего Мира. И это очень важный фактор, так как при имеющемся социальном кризисе в этих странах они не получают нужной поддержки от западных стран.

Сейчас в Советском Союзе все звенья режима объединяет империалистическая (если можно так выразиться) идеология, и армия является носителем этой идеи. За последнее время появилась новая “доктрина” — атомную войну можно начать и выиграть. Эти высказывания все чаще появляются в военной прессе.

Это можно понимать так, что сейчас, когда советы достигли атомного превосходства, они

* Никак не менее он был спасен Гитлером, который ничего не понял в коммунизме, сражался против русского народа и уничтожал евреев. (Прим. редакция.)

могут планировать локальные войны с применением атомного оружия, так как полагают, что могут выиграть такую войну, потому что у них преимущество в стратегическом отношении и противник не посмеет пойти на эскалацию военных действий.

Теперь посмотрим, что смогли бы им противопоставить американцы.

Скажем, если советы вторгнутся в район Персидского залива? Смогли бы лучшие соединения американцев, то есть морские пехотинцы, справиться с таким вторжением? Трудно сказать. Применение же американцами атомного оружия вызвало бы таковое же со стороны советов.

Но, пожалуй, самое главное это то, что у американцев нет пока своей политики и стратегии. Какие-то жалкие конгрессмены могут парализовать все начинания администрации, а у советов есть и политика, и стратегия.

Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

В ЧЕМ СУЩЕСТВО НАШЕГО СПОРА

В истории советской России и большевистской партии многое окутано тайной. И, наверно, мы должны смириться с тем, что на какие-то вопросы нам не дано ответить вообще или, в лучшем случае, в ближайшем будущем. Один из этих вопросов связан с "немецкими деньгами", получаемыми по тайным каналам большевиками до и после октябрьского переворота. Впрочем, получаемыми или нет? В 7—8 номере журнала "Russia" этот вопрос вновь был затронут в статье М. Михайлова "Спор не по существу". Автор статьи пишет: "Boris Souvarine is entirely correct in stating that no one has yet come up with any direct proof of the Bolshevik's receiving money from the Germans"¹. ("...Прямых доказательств о получении большевиками немецких денег пока что нет, в чем Борис Суварин совершенно прав...") Но, наверно, все зависит от того, что подразумевать под прямыми доказательствами. С моей точки зрения, эти прямые доказательства имеются. Они содержатся прежде всего в сборнике документов Земана "Германия и революционная Россия, 1915—1918" (Лондон, 1958)². О "германских деньгах" написано было несколько специальных исследований, например, работа Георгия Каткова "Германское политическое вмешательство в России в первую мировую войну" в кн. под ред. Р. Пайпса, книга С. П. Мельгунова "Золотой немецкий ключ к большевистской революции" и книга М. Пеарсона "Пломбированный вагон"³. Большое внимание вопросу о герман-

Советская стратегия заключается в том, чтобы открыть военные действия в виде фронтальной атаки на Европу. При ограниченной атомной войне советам достаточно сбросить несколько бомб на крупные атлантические порты, на главные аэродромы, и всякая оборона была бы задушена. Но надо полагать, что советы решатся на это только если будут уверены, что Соединенные Штаты не станут реагировать на их агрессию.

Все эти возможности сейчас не исключены, так как советская экспансия держит под угрозой и Европу, и другие "невралгические" мировые районы. Поэтому надо говорить совершенно открыто о положении внутри Советского Союза, чтобы мировое общественное мнение точно знало подлинный облик советской политики мирового господства. Это очень важно, т.к. есть народы и люди, которые еще не знают всей правды о социализме, держащем миллионы людей в гигантском концлагере.

ских деньгах уделили историки М. Футрелл в кн. "Северная подпольная", В. Шарлау и З. Земан в биографии Парвуса, Г. Катков в кн. "Февраль 1917" и С. Поссоны в кн. о Ленине⁴.

Таким образом, в западной исторической литературе этот вопрос в общем и целом считается выясненным. Остается только, чтобы с этой литературой ознакомился М. Михайлов, так как независимо от того, составляет ли тема германских денег главный или побочный момент в его статье, знать ее необходимо, раз уж автор ее затрагивает.

Кстати, вопрос о германских деньгах крайне сложен и запутан. Неясны многие детали, неизвестна точная сумма, в которую обошлась Германии революция в России, не раскрыты все каналы, по которым шла в Россию революционерам германская финансовая помощь, не названы все действующие лица этой трагической игры. И не случайно. В вопросе финансирования русского революционного движения немцы соблюдали все меры предосторожности. В меморандуме военного атташе Германии в Берне от 9 мая 1917 г. о том, какие меры предосторожности должны быть приняты, чтобы источник финансирования Германией русских революционеров не был установлен, говорилось следующее:

"1. Личность человека, делающего дотацию, гарантирует, что деньги получаются из источника, не вызывающего сомнений.

2. Дающий деньги или курьер с деньгами

должен иметь право пересекать русскую границу по официальным или полуофициальным документам.

3. Чтобы деньги могли быть использованы немедленно, нужно иметь наличные, а не кредитные билеты, которые трудно оприходовать и которые привлекут внимание. Легче всего, проще всего и незаметнее всего воплотить в материальную и полезную форму швейцарскую валюту.

Вопрос о распределении средств среди различных партий, групп и лиц, каждому из которых за их мирную пропаганду дается соответствующая часть субсидий, уже обсуждался. Все они выразили готовность принять помощь..."⁵

И, конечно же, нет никаких оснований не верить статс-секретарю германского МИДа Кюльману, писавшему в телеграмме от 29 сентября 1917 г.: "Без нашей постоянной поддержки большевистское влияние никогда не достигло бы тех масштабов, которые оно имеет сегодня..."⁶

Но "германские деньги" — только один сюжет сложного запутанного клубка. И это не единственная моя претензия к статье М. Михайлова. Имели ли эти деньги решающее значение для судеб России? Этот вопрос неизбежно пересекается с вопросом о проезде революционеров. Троцкий, а ему в данном случае трудно отказать в компетентности, считал этот факт решающим: "Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и главное со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то октябрьской революции... которая произошла 25 октября старого стиля, — не было бы на свете..."⁷ А ведь провоз революционеров в Россию — это тоже финансовая поддержка русской революции и куда более серьезная, чем просто деньги. Если у М. Михайлова "нет абсолютно никаких причин считать такой факт... исторически важным", мне остается только пожать плечами.

"Использовал ли Ленин немецкие деньги или нет — в самом деле является малозначительным, — продолжает М. Михайлов. — Что меняется в случае, если Ленин деньги взял?" На этот вопрос ответить просто: ничего не меняется. Но ведь все-таки зачем-то изучаем мы историю. Как интересуют нас бесконечные взятки Талейрана! Как хочется знать, был ли Сталин агентом охранки! Если следовать логике М. Михайлова, то не все ли нам равно, по чьему приказу убили Императорскую семью, был ли связан с коммунистами Мартин Лютер Кинг и знали ли советские власти, что сбивают корейский пассажирский самолет. Уж от ответа на этот вопрос не станет лучше советская власть и не оживут 269 жертв коммунизма!

Статья М. Михайлова грешит фактическими неточностями и противоречиями. Вот, например, он пишет: "Популярность этих (большевистских. — Ю. Ф.) лозунгов отнюдь никак не зависела от немецких денег (если они были). ...Все это было прекрасно известно плеяде блестящих русских мыслителей и публицистов из первой эмиграции, и поэтому вопросу о немецких деньгах никто не придавал серьезного значения".

Если популярность идей не зависит от тиража газеты, то почему Ленин всегда считал газету важнейшим орудием пропаганды? Как может М. Михайлов утверждать на первой странице статьи, что "для каждой политической партии... денежные средства на пропаганду являются вопросом жизни и смерти", а на третьей странице той же статьи старательно доказывать, что популярность партийных идей не зависит от денежных средств на пропаганду? Чем объяснит тогда М. Михайлов, что в любой стране современного Запада и в США на избирательные кампании тратятся десятки миллионов?

Утверждение, что первая русская эмиграция не придавала значения вопросу о германских деньгах, неверно. Ленина неоднократно обвинял в своих печатных трудах в измене Керенский, две книжки посвятил этому вопросу Бурцев, обвинявший большевиков в измене еще в июле 1917 года, кстати сказать, вместе с такими известными революционными деятелями России, как Плеханов. Но среди относимых М. Михайловым к "плеяде блестящих русских мыслителей" были люди, которые по тем или иным причинам не были заинтересованы в освещении вопроса "германских денег". Это были прежде всего те русские социалисты, которые эти деньги брали у немцев вместе с большевиками. И как бы ни хотел этого "наивный" М. Михайлов, таким людям упоминать о немецких деньгах не было никакого смысла.

Посмотрите на списки первых "немецких путешественников", аккуратно перепечатанные в книге Бурцева и в седьмом томе сочинений Зиновьева. Ехал весь цвет русского социалистического движения. Большевиков была только часть. Организацией проезда русских социалистов занимались социалисты европейские. М. Михайлов недоумевает: "Для западных коммунистов этот вопрос тоже не имел большого значения". Неправда, имел. Только и им невыгодно было поднимать его в печати. Ведь председатель коммунистического интернационала Зиновьев на показательном процессе о немецких деньгах должен был бы быть одним из главных обвиняемых. Невыгодно было в 1920-е годы поднимать этот вопрос и европейским социалистам, чьи социалистические партии вполне легально занимали теперь солидное положение в обще-

стве. И слишком высоко стояли те люди, которые в годы первой мировой войны имели отношение к "германским деньгам".

М. Михайлов далее пишет: "...нелогично и бессмысленно обвинение Ленина в "государственной измене". Именно это делает Солженицын в своей полемике с Борисом Сувариным. Очевидно, Солженицын забывает, что Временное правительство... не только не осудило Ленина и несколько сот других революционеров за проезд по железной дороге через Германию, а даже приветствовало приезд Ленина в Россию".

Все наоборот. "Немецкие путешественники", ехавшие в первом эшелоне, в том числе и Ленин, были уверены, что будут арестованы по прибытии в Россию. К их удивлению, на Финляндском вокзале вместо войск поезд встречала толпа восторженных демонстрантов. Но и тут не угадал М. Михайлов. Демонстрацию организовал Петроградский Совет и именно для того, чтобы помешать Временному правительству арестовать прибывших. И поскольку у Временного правительства давно уже не было сил и желания идти против воли Совета, правительство отступило. Только в июле, когда после неудачной попытки захвата большевиками власти Временное правительство искало повода к репрессиям против большевиков, вспомнили и о запломбированном вагоне, и об имеющейся к этому времени информации о том, что тогда было названо "шпионажем в пользу Германии". Правительство намеревалось выдвинуть это обвинение против партии большевиков в целом. Но против этого высказался Петроградский Совет, и от своих первоначальных намерений Керенский отказался. Формально обвинения были сначала выдвинуты только против Ленина и Зиновьева. 5 июля фракция большевиков в ЦИКе Советов вынуждена была создать советскую комиссию по расследованию обвинений против Ленина и Зиновьева в шпионаже в пользу Германии. На следующий день соответствующее заявление было опубликовано в органе ЦИК Советов "Известиях". 7 июля Ленин дал согласие на свой арест, если приказ правительства будет утвержден ЦИКом

Советов, а сам, между тем, бежал (вместе с Зиновьевым) в Финляндию, где скрывался чуть ли не до самого большевистского переворота. Только 25 октября по ст. ст. Ленин в неузнаваемом для окружающих виде, без усов и бородки, впервые появился публично. Это было на Втором съезде Советов. Впрочем, некоторые большевики, например Коллонтай, обвиненные в шпионаже в пользу Германии, в июле 1917 г. все-таки были Временным правительством арестованы.

Можно ли назвать этих людей изменниками? Вероятно, да, по крайней мере, тем, кто считал или считает Россию своей родиной. По логике М. Михайлова, обвинение Ленина и большевиков в государственной измене звучит "смехотворно": ведь они боролись с самодержавием. (Здесь у М. Михайлова свои принципы, с которыми я позволю себе не согласиться.) Но помилуйте, Михайло Михайлов, причем здесь борьба с самодержавием? С февраля 1917 года Ленин боролся против **демократического** правительства Российской **республики**, против Временного правительства. С февраля не было уже в России царской власти. Но именно в эти месяцы брали большевики у немцев свои миллионы. Вступитесь, М. Михайлов, вступитесь хотя бы за Российскую демократическую республику, раз не хотите вступаться за Россию монархическую. Ну, не любите Вы авторитарный строй и русскую монархию — и не надо, насильно мил не будешь. Но вот перед Вами демократическая свободная Россия — ее предали Ленин и большевики. Не вступитесь? Даже за такую Россию не вступитесь. Вам естественней защищать Ленина: "Если серьезно поверить в то, что для перестройки мира, разрушения несправедливого эксплуататорского строя, для освобождения всех человеческих способностей и сил необходимо... введение "диктатуры пролетариата", — тогда все, что делал Ленин, полностью оправдано... На каком же основании можно ставить Ленину в упрек фанатическую веру в коммунистические идеалы...?"⁸

А раз, по-вашему, оснований нет, ни о чем мы с вами не договоримся, так как именно в этом существо нашего спора.

СНОСКИ

¹ М. Михайлов, "Спор не по существу (Ленин и немецкие деньги)", в кн. Планетарное сознание, Ардис, 1982, стр 133; "Russia", 7 — 8, p. 109.

² Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918, ed. by E. A. Z. Zeman, London, 1958.

³ George Katkov, "German Political Intervention in Russia During World War I", in Revolutionary Russia: A Symposium, ed. by Richard Pipes, Cambridge, 1968, pp 80 — 112; С. П. Мельгунов, Золотой немецкий ключ к большевистской революции, Париж, 1940; Michal Pearson, The Sealed Train, New York, 1975.

⁴ Michal Futrell, The Northern Underground, London, 1963; W. B. Scharlau and Z. A. B. Zeman, Merchant of Revolution: A Life of Alexander Helphand, London and New York, 1965; George Katkov, Russia 1917: The February Revolution, New York, 1967; Stephen Possony, Lenin: The Compulsive Revolutionary, Chicago, 1964.

³Земан, указ. соч., док. №57.

⁶Там же, док. №71.

⁷Trotsky's Archives (Houghton Library, Harvard University, Boston), bMs Russ 13 T-3067, p. 35.

⁸М. Михайлов, "Спор не по существу (Ленин и немецкие деньги)", в кн. Планетарное сознание, стр. 139.

Валентин ЗАРУБИН

ПРАВДА СВЕТЛЕЕ СОЛНЦА!

(Об Илье Глазунове, Ермаке Лукьянове и многих других)

Правда светлее солнца — русская народная мудрость. Мы поставили себе задачей обнаружить правду и только правду о советском художнике Илье Глазунове. Его во всю хвалит официальная советская пресса и коммунистические газеты стран-сателлитов, в том числе кубинцы. Но к нашему удивлению его хвалит и часть эмигрантской прессы. Кубинцам-то и резонно хвалить Глазунова, так как недавно от Политбюро ЦК КПСС Фиделю Кастро был преподнесен огромный портрет — работы, кого вы думаете? Глазунова же.

Совершенно непонятно, почему нужно нам, эмигрантам, хвалить придворного советского художника Глазунова?

Если существует потребность хвалить кого-нибудь подсоветского художника, то можно было бы порекомендовать замечательного современного художника Павла Корина. Корин — глубоко верующий православный христианин, реставратор икон и коллекционер их. Эпические и исторические мотивы характерны для всего творчества Корина. Замечательна его работа "Покров Богородицы". Происходит Корин из русского села Палеха, где исстари жили мастера иконописного ремесла. Род Кориных, писавших иконы лет триста, был хорошо известен всем знатокам и любителям истинного русского живописного искусства. Но Корин не протеже КГБ, не был личным другом Андропова, не получал миллионных государственных заказов, как Глазунов. Странно, что в эмигрантской периодике никогда не было ничего написано о Корине, но зато советскому вельможе поются хвалебные дифирамбы на страницах некоторых эмигрантских изданий.

В первую очередь хвалит Глазунова альманах "Вече", называющий себя русским национальным органом. Недавно на страницах аргентинской "Нашей Страны" (№ 1752 от 18 февраля с.г.) Юрий Мейер настоятельно рекомендует читателям приобрести книгу отзывов о творчестве Глазунова.

Феномен умилительных статей нам непонятен. Почему эмигранты хвалят советского художника Глазунова? Может быть, потому, что он русский? Был же русским, например,

и руководитель НКВД Ежов. Мы же его не хвалим*.

Мы уже давно знаем, что в Советском Союзе появилась тяга к нашей национальной истории, желание познать истину, стремление стать в ряды почвенных борцов за возрождение России.

Это прекрасно понимает и советская власть, желая русский национализм использовать в своих целях и стараясь его направить в свое русло.

Поэтому — книгу откликов о выставке художника Глазунова, которую нам так рекомендует почтенный коллега Юрий Мейер, нужно рассматривать как доказательство именно того, что русские люди, которым осточертела советская власть, тянутся к традиционной России и более ничего.

Но насчет книги нужно сказать, что она не самиздат, она попала не какими-либо тайными каналами на Запад, а была после тщательного просмотра со стороны советских цензоров, переправлена официальными советскими лицами в наше Зарубежье.

Но поговори о самом Глазунове. Илья Глазунов — придворный художник всех советских вождей, неоднократный лауреат самых высоких советских правительственных наград. Он получает очень высокие гонорары, разъезжает по многим западным странам, останавливаясь в фешенебельных гостиницах. Член ли он коммунистической партии — не знаю, но вероятно, да, ведь каждый знает, что коммунисты, находясь в заграничных командировках, должны молчать о своем членстве в партии. Мне случилось не так давно встретиться с советскими туристами-художниками из Москвы в одном европейском городе. Когда я этих молодых людей спросил о Глазунове, они поморщились и пожали плечами. Один же сказал, что в Москве художники не подают ему руки за его верноподданничество и сотрудничество с властями.

Советская власть, зная настроение населения, особенно молодежи, обеспокоена, поэтому ей как раз и нужны такие помощники,

* Младороссы в свое время хвалили. Прим. ред.

как Глазунов, всегда и всюду доказывающий свою приверженность советскому строю.

Глазунов — посредственный художник. Между нашими эмигрантами было несколько сотен лучших мастеров. Его главная картина “Мистерия XX века” — прямо кощунство и безвкусица. Это большое полотно размером 3 на 6 метров. На нем показаны в одной группе Николай Второй, Новомученик Зарубежной православной Церкви, Распутин, Гитлер, Сталин, Ленин, Муссолини, Хо Ши Мин, Мао и... сам Глазунов. Всего 56 лиц. Я с гадливостью смотрел на такую “русскую” картину. Между прочим, она не показывается советской публике, а была написана только для западных почитателей художника.

Другие его работы, т.е. которые показываются западному зрителю, и вправду имеют русские исторические мотивы. Есть у него картина, на которой изображена толстая свинья с густыми бровями. В ней некоторые усмотрели Брежнева. Есть картины о преследовании православной Церкви. Когда же? В самые тяжелые ее годы: в 20-е и 30-е годы сего века? Нет же! Преследование Церкви, видите ли, во время татарского ига.

Глазунов написал по заданию советской власти портреты почти всех знаменитостей мира сего: начиная с семьи Андропова и кончая Джиной Лолобриджидой. Кроме русской национальной тематики, которая для советской власти сейчас весьма конъюнктурна, Глазунов пишет и другие работы, которые на Западе стыдливо не показывают и о которых “забывают” писать и наши эмигрантские журналисты, почитатели творчества Глазунова.

Он написал много картин о “героическом” строительстве БАМа. Рисует ли он бедных заключенных, по сей день работающих на многочисленных островках ГУЛага? Конечно, нет! Его картины показывают комсомольцев-энтузиастов, “героически” работающих на сибирских стройках.

Другой цикл картин — Вьетнам. Показывает ли он те десятки тысяч бедных вьетнамцев, которые бросались в открытый океан перед приходом коммунистов? Нет! У него на картинах только социалистические герои Вьетнама.

Писал он картины и о Чили. Как уже понятно, на картинах красуются “герои” чилийской коммунистической революции.

Его хвалят не только некоторые наши эмигранты, но и все главные советские газеты.

Передо мною крупнейшая советская правительственная газета “Известия” от 31 июля 1983. В ней хвалебнейшая статья о Глазунове, где снова рассматриваются отзывы посетителей его выставок, ну совсем, как это делают некоторые наши эмигранты. Приведу отрывок из письма-статьи В. Новикова “Музыка цвета”: “Я побывал с Вами на улицах окровавленного

Сантьяго и в героическом Вьетнаме, на древней Руси-матушке и на стройке века БАМе. Я восхищен Вами, Ваши картины будут смотреть будущие поколения и будут восхищаться...” Мне кажется, все ясно! Вот, что пишет автор В. Новиков в своей хвалебной статье: “Равно как стоит и внимательнее взглянуть в героев бамовского цикла И. Глазунова — в бульдозеристов, бетонщиков, создателей “магистрала века”, или строителей Нурека, нефтяников Тюмени, чтобы почувствовать и в них духовное родство с героями Куликовской битвы, героями произведений русской литературной классики, блистательно воссозданных художником.

И в произведениях, воспевающих героический труд, высокий духовный мир современников, подвиг патриотов Чили, Вьетнама и Лаоса, и в тематических полотнах И. Глазунов проявляет себя как мастер, последовательно продолжающий и развивающий лучшие традиции прогрессивного искусства”.

В конце большой статьи мы узнаем, что художник увлеченно рассказывает о предстоящей поездке в Никарагуа.

Пока эмигранты, почитатели Глазунова, снова будут писать хвалебные статьи о нем, сам Глазунов будет помогать Советскому Союзу закабалить новую западную страну.

Поэтому и я настоятельно рекомендую всем тем эмигрантам, которые хотят стать совпатриотами и, может быть, взять советское гражданство, и дальше хвалить художника Глазунова. Можно всегда хвалить и писателей Алексея Толстого и Илью Эренбурга, которые когда-то имели те же функции в Советском Союзе, которые имеет сегодня Илья Глазунов. Можно похвалить и Сталина: ведь он, когда попал в тяжелейшее положение, пооткрывал некоторые русские православные храмы, — советы эти начинания оценят, советский паспорт будет дан в кратчайшее время! Советские пропагандные отделы с величайшим усердием обрабатывают общественное мнение Запада, миропонимание западных масс.

Недавно в некоторых русских и русскоязычных газетах и журналах промелькнула весть, а во многих, очень многих, ее вообще не было, что в Советском Союзе был приговорен к расстрелу Ермак Лукьянов, по национальности калмык, бельгийский гражданин, отец 9-ти детей. Наш Лукьянов, вероятно, не имея за собой никакой вины, поверил, что Советский Союз уже не тот, не сталинский, сейчас там свобода, диссиденты выступают открыто и т.д. Защищенный всеми международными договорами, наш Ермак с бельгийским паспортом пожелал повидать свою родину и себя показать, привезти гостинцев многочисленной семье, а потом вернуться в Бельгию и снова взяться за работу.

Но не тут-то было! Его арестовали, без

приговора засунули в самую страшную Казанскую спецпсихбольницу — “не надолго” — “только” на 15 лет. Нет, нет, не сломили сына степей, сына того гордого и свободолюбивого народа, который веками был на стороне Русского Престола. Не сломили!

Поэтому — после пятнадцатилетних мучений — чекисты его недавно осудили на смерть!

Господа читатели, прошу — вникните в эти строки!

Меня это сообщение очень подавило. 1968 год. Я бросился к книгам, к самиздатам, хроникам, к известиям о правах человека — того периода — нигде ничего о Ермаке! Нигде ничего — как будто бы не существовало такого Лукьянова! Хочу здесь только на момент отклониться: каждый человек, попавший даже на сутки в лапы советских органов, — бедный человек!

Не хочу проводить параллели, кому тяжелее, тому — кто сидит целых 15 лет, без перспектив, без международной гласности, или же тому, кто получил 15 суток.

Раскрываю пожелтевшие, старые страницы многотиражных и богатых газет. Почти везде фотографии семей, ожидающих возвращения из заключения отцов. Везде протесты! А о Лукьянове ничего!

Может быть, о нем не писали, т.к. забыли человека, ведь он только же калмык! Тоже, кажется, не так! Мелькают баптисты, адвентисты, татары, литовцы, эстонцы, украинцы, евреи...

Во всяком случае, одно ясно: наша “славная” правозащитная пресса — “забыла” Ермака. Он — не существующий для большой русскоязычной прессы человек, его не было, его нет. Или, может быть, “забыли” намеренно, не считали нужным о нем писать, потому что, мол, так ему и надо: не нужно было во время войны бежать из Советского Союза, а следовало и дальше в голодном степном колхозе пасти государственную скотину?

Правда, в последнее время профессиональные правозащитники начали иногда упоминать и Лукьянова.

Вот меня заинтересовал простенький, в сущности, вопрос: кто же, наконец, в Советском Союзе политзаключенный? Кто определяет, кто дает это наименование, и сколько же сейчас заключенных?

Вспоминается, у меня происходила беседа с одним “прогрессивным” немцем. Он мне сообщил, что-де у нас, у русских, только восемь-десять тысяч заключенных.

— Очень мало, очень мало, — стал мне пояснять мой собеседник. — В Западной же Германии тоже существуют заключенные, вероятно, больше десятка тысяч.

Я было попытался объяснить, что в “великом” Союзе миллионы заключенных, но он стал смеяться, махать руками.

— Знаем, знаем — сами русские эмигранты-диссиденты пишут так.

Увы, он был прав. У нас, в эмиграции, печатают такие данные. Хотя некоторые делают попытку дать цифру в 5—6 миллионов, что, вероятно, и будет верно, но наши “прогрессивные плюралисты” сразу шипят: “Нет, в СССР политзаключенных только восемь тысяч!”

В Мюнхене, под редакцией бывшего узника советских лагерей Кронида Любарского, выходит листок под названием “Вести из СССР”.

Просматриваю несколько номеров. Бросается сразу же в глаза: фамилии заключенных, как правило, нерусские, но зато уж следователи, прокуроры, судьи, чекисты — всегда носят русские имена.

Наталкиваемся на интересную деталь. Такой, имярек, объявил себя на прошлой неделе политзаключенным, другими словами, принял статус политического заключенного.

Уму непостижимо! Сидел себе обыкновенный ээка тихо в лагере, был просто государственным заключенным — вдруг стал настоящим политзаключенным.

Вот тут-то и вся загвоздка! Хотя даже ларчика никакого нет, даже такого, который сам бы легко открывался!

В украинской книге Михайла Осадчего “Бельмо” (Издательство — Сучасність — Мюнхен, 1980), находим после русофобских бредней послесловие Любарского. Вот, что он пишет:

“Я благодарен лагерю в Советском Союзе. Именно там осознаешь: в СССР сидят прежде всего за “национализм”. По данным на конец 1979 года 79% состава политических лагерей — заключенные за отстаивание национальных прав. 36% — украинцы.

Наша же задача — всемерно разъяснять суть украинской проблемы, знакомить русского читателя с точкой зрения самих украинцев, добиваться уважения к этой точке зрения”.

Можно только усомниться в данных г-на Любарского: откуда у него такие точные сведения?

Но действительность и правда не таковы: в СССР Архипелаг ГУЛАг существует и по сей день. В лагерях сидят миллионы людей. И политических заключенных среди них немало. Они сидят не только за национализм.

Женщины заполняют многочисленные женские лагеря. Малолетки, которых портит улица, а потом лживое пионерство и комсомольство, советский детдом — под таким влиянием они становятся, как правило, уголовниками на всю жизнь.

Сидят за религию, за анекдоты, за чтение книг, все еще сидят бывшие власовцы и т.д. Непомерное пьянство приводит тоже сотни тысяч людей за черту лагерей.

В стране, где, начиная с руководителей, все крадут, многие схваченные неудачники за вынесенные пару гаек с завода калечат себе навсегда жизнь. Всех их, может быть, нельзя считать полноценными политзаключенными, но они тоже жертвы тоталитарной коммунистической системы. Поэтому, думаем, что нам в эмиграции нельзя селекционировать несчастных зека — на "хороших" и "плохих".

Очень поучительны статьи Уголовного Кодекса СССР. Политические ли те, кто осуждены по этим статьям? Посудите сами, кто они, подпавшие под эти статьи. Вот некоторые из них:

Ст. 77 — "Действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений".

Ст. 80 — "Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу".

Ст. 83 — "Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР".

Ст. 142 — "Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви".

Ст. 153 — "Частнопредпринимательская де-

ятельность и коммерческое посредничество".

Ст. 162 — "Занятие запрещенным промыслом".

Ст. 174 — "Дача взятки".

Ст. 191-1 — "Сопrotивление работнику милиции или народному дружиннику".

Ст. 198 — "Нарушение паспортных правил".

Ст. 209 — "Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством или ведение иного нетрудового образа жизни".

Ст. 227 — "Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов".

Если мы прочтем только несколько статей УК РСФСР, нам станет ясно, что не может быть в СССР только нескольких тысяч политзаключенных, а их миллионы, миллионы! Да это и выгодно для советской власти: кто работал бы на тяжелых работах, добывая урановую руду, трудился на дальнем Севере?

Эмигрантам же не следует жонглировать непроверенными цифрами и тем самым — сведениями о судьбах несчастных людей.

Правда светлее солнца! Правда глаза колет!

Е. КАРМАЗИН

ДУДИНЦЕВ И ДРУГИЕ ПОД ПЕРОМ М. ПОПОВСКОГО

Посвящается памяти моего отца

*Все с нами — в силу поговорки
насчет пера и топора.*

А. Твардовский

В "Континенте" №24 напечатана статья М. Поповского с критикой покойного Константина Симонова. Я не собираюсь здесь защищать или обвинять К. Симонова, т. к. не являюсь специалистом в этом вопросе. Но ряд фактов, приведенных М. Поповским, решительно противоречит действительности. Не считая, по печально известному изречению, что "тем хуже для фактов", мы полагаем, что это тем хуже для автора, искажающего факты, для М. Поповского.

Больше всего меня возмущает извращение конфликта, описанного в знаменитой книге В. Дудинцева "Не хлебом единым". Вот что пишет М. Поповский: "После того, как читатель узнал, что герой, талантливый изобретатель, предложивший очень важный метод для советской индустрии, оболган и арестован, писатель сочинил продолжение, в котором происходят события совершенно недостоверные. Тот самый следователь, что закатал ученого-изобретателя в тюрьму, вдруг понял, что его подследственный не виноват, и начал борьбу за то, чтобы (при Сталине!) освободить его из лагеря. Эта фальшивая сюжетная ситуация по-

ворачивает дело так, что во всех бедах ученого виноваты только его личные враги. А честный партийный следователь во всем разобрался и спас героя" (стр. 302).

Здесь что ни слово, то неправда. Любой читатель романа отлично помнит, что вызволил Лопаткина из тюрьмы директор военного завода Галицкий: "Это его мысль была: если машина получится, то можно будет и автора вытащить". Другим героем освобождения Лопаткина оказался беспартийный инженер Антонович, который спрятал от сожжения документы о многолетней травле изобретателя Лопаткина, формально совершив этим преступление. "Вы поймите, в этих документах его спасение!" — так закричал, узнав об этом через год, один из судей, майор Бадьин. И вот этого, третьестепенного уже участника драмы, рядового члена суда Бадьина М. Поповский превратил в прозревшего следователя. Поистине нужно потерять память или что другое, чтобы совершить такую ошибку. Вот что пишет Дудинцев о следователе, капитане Абросимове: "Раз "финичек" (т. е. неопределенное, неясное дело) был передан для ведения Абросимову, следовало хорошенько подумать о тех его сторонах и мотивах, которые перетянули на весах. И "проявить" их, чтобы мысль прокурора, возбуждающего дело, была ясна для судьбы. Равным образом Абросимов мог "про-

явить” и другие — смягчающие мотивы... Абросимов не любил их, но дела такие почему-то поступали именно к нему”. И далее Дудинцев подробно изображает, как следователь совершает ряд безобразных служебных преступлений, извращает факты, скрывает важные документы, чтобы “закатать” Лопаткина.

Заседание суда Дудинцев рисует беспощадно, показывая весь позорный, фарсовый его характер. Вот что он пишет о председателе суда: “Дело Лопаткина, как выразился председатель, было “чистое”. В нужных местах председатель повторял вслух ответы подсудимого, чтобы их мог записать секретарь. И он по давней привычке осторожно освобождал ответы от разных околичностей, способных лишь затемнить простую и ясную мысль. Стало быть, материалы, которые поступили в высшую инстанцию, были очень похожи на то дело Лопаткина, которое создано в представлении этого старого и уверенного в себе человека”.

Что до виновников возбуждения дела Лопаткина, то Поповский изображает именно “фальшивую ситуацию”: вовсе не личные враги, а министр (вроде даже доброжелательный к Лопаткину) направляет дело в прокуратуру, — не проявив здесь своей обычной железной проницательности и не выполнив прямого служебного долга. Кажется, это единственный раз в советской литературе министр был обвинен в преступной халатности. И еще Поповский недоумевает, как это — при Сталине! — освобождали инженера за изобретение. Но, видно, только М. Поповский не знает, что именно при Сталине (!) такое водилось — вспомнить хоть Туполева... Да кстати, у Лопаткина была даже не страшная 58 статья, а дело о возможности (!) разглашения государственной тайны.

Далее М. Поповский пишет: “В результате усилий автора и редактора Симонова роман “Не хлебом единым” вполне вписался в литературу социалистического реализма, и его стало возможным напечатать в “Новом мире”.

Я не стану напоминать, что многие произведения, составляющие гордость нашей литературы, были напечатаны в “Новом мире”. Но вот в предисловии к книге М. Поповского “Управляемая наука”, вышедшей в Лондоне в 1978 г., указывается, что у автора вышло в СССР 17 (!) книг. Интересно, вошли ли они в литературу социалистического реализма? А также помнит ли их кто-нибудь? Оставили ли они какой-то след в обществе?

М. Поповский продолжает: “Интересно, что несколько лет спустя, в 60-х, роман издали отдельной книгой, и советские читатели решительно не обратили внимания на этот бестселлер 50-х годов”. Как определил М. Поповский безразличие читателей к этой книге? По отсутствию откликов в прессе? Или, может, он проводил всенародный опрос?.. Передо мной лежит книга в голубой обложке — роман Дудин-

цева издания 1968 г., выпущенный 150-тысячным тиражом. В Киеве эту книгу можно было только иногда издали увидеть на книжных лотереях. В Сочи, разумеется, ее не было тоже. Когда мы поехали на экскурсию в Сухуми, я обрыскал весь город и в одном киоске заметил знакомую голубую обложку. Тут же я отключился от всех сухумских чудес природы и, с трудом удерживаясь от слез, читал знакомый текст о мерзостях следователя Абросимова, о монополии Авдиева в науке и о том, что они “бьют всех инакомыслящих. А инакомыслящих уничтожать нельзя — они, как совесть, нужны тебе же!” А также и о том, что “не так уж наша Россия бедна честными людьми, чтобы их искать днем с огнем”... С тех пор мы с этой книгой не расстаемся. Поскольку референдума у меня нет, я записываю здесь это свидетельское показание.

Впрочем, одно ценное свидетельство дает нам М. Поповский: “Дудинцева на несколько лет отлучили от литературы, от заработков, понесли, оскорбляли, довели до полного ничтожества”. Это было в то время, когда М. Поповский, как сказано, писал свои 17 книг в стиле социалистического реализма. И вот теперь он пытается офальшивить книгу Дудинцева, пользуясь при этом обычной тамошней практикой: ругай зарубежных авторов, все равно они ответить не могут. Но мы должны сказать, что на нашем суде этот фокус не пройдет: не для того мы уезжали на свободу, чтобы привезти сюда свой железный занавес!

* * *

Мне пришлось истратить довольно много слов, чтобы согласно правилам юридической науки опровергнуть утверждения М. Поповского о романе “Не хлебом единым”. Но в указанной статье Поповского есть и другие неверные заявления. Вот, например, Поповский пишет: “Большой успех принесла Симонову в середине 60-х годов газетная дискуссия о псевдонимах. В статье “С опущенным забралом” М. Шолохов публично заявил тогда, что честному писателю псевдоним не нужен, честный не станет скрывать от читателя своего имени. Такое заявление в 60-х звучало анахронизмом. Шолохову хотелось воскресить недоброй памяти послевоенные годы и кампанию “безродных космополитов”. Но по тактическим причинам антисемитский призыв в ЦК в тот момент поддержки не получил. Симонов тотчас использовал возникшую заминку, чтобы опубликовать в “Комсомольской правде” статью в защиту носителей псевдонимов... Помню, с какой благодарностью восприняла эту статейку московская интеллигентная публика. На фоне того, что выплескивали в те годы на свои страницы черносотенные журналы “Огонек”, “Октябрь” и “Молодая гвар-

дия", заметка о псевдонимах представлялась чудом либерализма" (стр. 316). Здесь, опять-таки, каждое второе слово — неправда. Указанная Поповским дискуссия происходила, разумеется, не в 60-х годах, тогда она не только звучала бы "анахронизмом", но была бы и вовсе невозможной. Отлично помню, как в 1950 или 1951 году нам в институте, на лекции по гражданскому праву, доцент Е. С. Компанец рассказывала об этой дискуссии, причем мы, уже читавшие об этом в газетах, получили не малое удовольствие, когда выяснилось, что позиция мракобеса Шолохова юридически несостоятельна. Кстати, в "Комсомольской правде" выступил не Симонов, а как раз Шолохов, а Симонов ответил ему в "Литературной газете".

В другом месте М. Поповский пишет: "Особенно памятной осталась нам статья В. Померанцева "Об искренности в литературе", опубликованная в пору симоновского редакторства в "Новом мире" в 1955 г." (стр. 316). Странная, однако, память у Поповского. Как

можно легко узнать из книги Г. Свирского "На лобном месте" (стр. 116 — 119), эта статья первая прорвалась в наступающую "оттепель" и была опубликована в декабре 1953 года в № 12 "Нового мира" при редакторе Твардовском, который за это был снят в первый раз. Поповский в своей статье ссылается на эту книгу дважды. Непостижимо, как он умудрился этого там не вычитать.

Последнее неверное замечание в статье о Симонове звучит так: "Талантливый Александр Бек чуть ли не десять лет пытался опубликовать свой роман "Последнее назначение" (стр. 325). Здесь все верно, кроме одного: роман, как можно узнать из любого каталога, называется "Новое назначение".

Прочитав столько несообразностей в одной статье М. Поповского, невольно вспоминаешь афоризмы Козьмы Пруткова:

— Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют; или — единожды соглаваши, кто тебе поверит?

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ЮБИЛЕЙНАЯ ТРЕВОГА

Советская печать начала обсуждать ряд вопросов, связанных с приближающимся тысячелетием Крещения Руси. Атеисты из журнала "Наука и религия", призванные возглавлять и направлять антирелигиозную пропаганду в стране, явно встревожены. Встревожены они тем, что церковники якобы противопоставляют легенды историческим фактам и поднимают "шум" вокруг, в общем, "незначительного события", которое они именуют Крещением Руси.

Современные богословы утверждают, что религия является первоосновой культуры, ее глубинным духовным стимулятором, а православие стало главным фактором возникновения, становления и развития культуры древней Руси. Именно православие и определило исторический путь России в течение последующих веков. Вместе с христианством Русская Церковь принесла самые высокие по тому времени византийскую образованность, культуру и искусство, павшие на добрую почву славянского гения и давшие новые плоды в исторической жизни народа.

Такая интерпретация культурно-исторического процесса, по мнению советских атеистов, глубоко ошибочна. Они утверждают нечто другое. Это другое заключается в том,

что усвоение и творческое переосмысление элементов византийской культуры, попавших на Русь в ходе христианизации древнерусского общества, стали возможными только потому, что в дохристианской Руси не было некоего духовного вакуума, а наличествовал достаточно высокий уровень развития духовной культуры. Христианство же в данном случае выполнило коммуникативную функцию, выступило в роли простого передатчика этих элементов. Никакой отсталости древнерусской культуры не было. Подобные утверждения являются досужими выдумками церковников. Такова позиция атеистов, переносящих центр тяжести на дохристианскую культуру Руси и преувеличивающих ее значение.

Ссылаясь на ряд русских ученых, изучавших древнерусскую дохристианскую культуру, московский атеистический синклит старается всячески умалить значение исторического юбилея, определившего, в сущности, весь ход русской истории. И не вина христианства, если в ходе истории произошли срывы и неожиданные и неоправданные повороты. Об этом знают на атеистических верхах и готовятся по-своему к встрече исторической тысячелетней даты. И не только к встрече.

Штаб советского атеизма готовится к тяжелым боям. Встречи "за круглым столом", проводимые правлением общества "Знание" РСФСР, затронули весьма болезненную и острую для атеизма тему — о приближающемся тысячелетнем юбилее Крещения Руси. Впро-

Данная статья является переработанным и расширенным вариантом другой моей статьи — "Юбилей, неприятный для атеистов", опубликованной в "Новом Русском Слове" (Нью-Йорк) 11 марта 1984.

чем, в атеистическом ареопаге этот юбилей называется: **“тысячелетие введения христианства”**, точно христианство можно было ввести вроде учебного предмета в школе или нового правила поведения.

По сообщению журнала *“Наука и религия”* (№ 12, 1983), в июне прошедшего года стали обсуждаться задачи атеистической пропаганды в связи с приближающимся юбилеем. К обсуждению неприятной юбилейной проблемы были привлечены все наиболее **“знаменитые”** атеистические деятели. Перед атеистическими пропагандистами выступали доктора философских наук, специализировавшиеся на разрушении религии, — Н. Гордиенко, М. Новиков, А. Онищенко, А. Белов. Их имена постоянно появляются на титульных листах атеистических книг и брошюр. Но глубиной мысли ни один из них не блещет, не подымаясь выше стандартных высказываний и поверхностного анализа тех или иных религиозных явлений.

Атеистический ареопаг великолепно помнит и знает, что к юбилею готовится и Русская Православная Церковь в СССР, которой, очевидно, полностью рот заткнуть в этом случае не удастся; готовится и зарубежное православие. И поминая недобрыми словами **“зарубежных клерикалов”**, журнал в лице своей атеистической элиты прежде всего начинает громить **“подрывные”** зарубежные клерикальные центры, якобы пропагандирующие юбилей Крещения Руси. Но ведь крещения, по утверждению московских атеистов, никакого не было. Было только **“введение христианства”**. А все остальное — выдумки церковников. И выдумки опасные. Недаром беспокоится Н. Гордиенко, рассказывая собравшимся, что Церковь стремится представить этот юбилей **как общегражданский и главное как общенародный**.

В этой тенденции усматривается одна из главных опасностей, так как с точки зрения власти тысячелетие Крещения Руси не является ни общегражданским, ни общенародным. Стремление представить это событие как эпохальное, общегражданское должно встретить со стороны пропагандистов атеизма аргументированную, серьезную критику. Такова позиция атеистической элиты.

Так что же это за юбилей с точки зрения советских атеистов? На это дается на страницах *“Науки и религии”* следующий ответ:

“Действительно, 988 год — начало истории русской церкви. Что же касается всего остального, т.е. государственности, культуры, литературы, тем более “исторического события”, то данное событие не было здесь ни изначальным, ни эпохальным. Введение христианства представляло собой лишь идеологическое оформление тех потребностей, которые сложились в обществе, часть процесса феодализа-

ции Древней Руси. И рассматривать этот факт нужно в контексте общей оценки феодализма” (*“Наука и религия”*, № 12, 1984, стр. 38).

Итак, было начало истории Русской Церкви, ничего особенного из себя не представляющее и являющееся просто составной частью процесса развития феодализма на Руси. И праздновать и отмечать его по существу нечего. Было ли крещение как всенародное явление? Вопрос этот подвергается недвусмысленному сомнению.

Позиция атеистического ареопага ясна: с повестки советского дня празднование Крещения Руси как церковного события, имевшего всенародное историческое значение, должно быть снято и сдано в архив фальшивых ценностей. И особенно важно: изображение религии как носительницы национальных ценностей должно быть решительно и навсегда отброшено. **Религиозный национализм выступает сейчас как едва ли не главная опасность для власти на религиозном фронте.**

Кроме того, с московских атеистических верхов раздается голос, утверждающий наличие еще одной опасности, от которой им становится не по себе. *“Наука и религия”* пишет: **“Клерикалы из “русской зарубежной церкви” пытаются представить дело так, будто подготовка к 1000-летию введения христианства на Руси сопровождается в нашей стране неким “религиозным возрождением”**. Об этом говорят не только **“клерикалы Зарубежной церкви”**, но и многие другие **“клерикалы”** и неклерикалы. Факт, от которого московские атеисты пытаются убежать, надевая на себя наглазники. Но оставим советских атеистических агитаторов с громкими титулами и оглянемся на прошедшее.

Дело святого князя Владимира — Крещение Руси, последовательно совершенное по всей стране, — не только живо сейчас, но и получило совершенно новый импульс своего развития. Оно принимает сейчас в СССР новые, совершенно своеобразные формы, не всегда полностью сходные с той традиционной религиозностью, которая в нашем представлении справедливо связана с исповеданием Православия. Наш народ сейчас, в середине восьмидесятых годов XX столетия, несмотря на больше чем полувековую богоборческую непрекращающуюся атаку власти, совершенно отчетливо несет в себе залог своего освобождения, и этим залогом является Крещение Руси, тысячелетний юбилей которого скоро будет отмечаться. Этим залогом освобождения, с нашей точки зрения, является все возрастающая постепенно народная религиозность. Как это ни парадоксально звучит, но подлинным хранителем нашей веры является верующий народ в СССР. Хранителем и бесспорным наследником, не расточающим, а собирающим в житницы достояние свое в

условиях духовной Сахары, является наш великий и все переживший народ. Пристальное наблюдение за всем происходящим на религиозном фронте в СССР свидетельствует о постепенном, но неуклонном религиозном становлении народа. Его воцерковление идет по стране медленной и легкой поступью, напоминая шествие тех неземных одухотворенных фигур, которые явились символом святости в русской живописи. И не столько "Крестный ход" Репина или пасхальные этюды Маковского, а утренние прозрачные туманы Левитана, его кроткая природа, в сочетании с явно неземными фигурами духовного провидца Нестерова, характерны для нового воскресения дела св. Владимира на Руси. А если перевести это на язык литературных форм, то наиболее характерным для российского религиозного ренессанса является "Иоанн Дамаскин" А. Толстого (XIX стол.), титан российской народной религиозной мысли Н. С. Лесков и "Доктор Живаго" Пастернака.

"Откуда начну плакати окаянного жития моего деяний," — так начинается великий канон преподобного Андрея Критского. Где и когда возник плач российского народа о своем почти вековом окаянном житии? Давно он возник. Когда он вырос в новый подвиг религиозного становления и воцерковления? Он вырос постепенно и стал реальным фактором жизни страны. Косвенным, но несомненным доказательством этого является московская реакция на приближающийся юбилей.

Антирелигиозный московский синклит идет в развернутую контратаку на утверждения, появившиеся в легальной церковной печати о благотворном влиянии христианства на различные стороны жизни Киевской Руси. Антирелигиозный журнал возражает... Нет, не смягчились нравы после "введения христианства", заявляют атеисты. Нет, не было пересмотрено существовавшее в то время законодательство, и не были в него введены гуманные начала. Нет, не стала благоулаживать семейная жизнь россиян под влиянием Церкви. Нет, не были образовавшиеся монастыри источниками и хранителями новой христианской культуры. Нет! нет! нет! — звучит со страниц антирелигиозной печати вопреки несомненным историческим данным, свидетельствующим о чем-то совершенно противоположном. Это "нет!" разоблачает советских антирелигиозников, обсуждающих проблему Крещения Руси за своим "круглым столом". Религия, заявляют они, никогда не была могучим средством патриотического воспитания народа, умышленно забывая о многих фактах русской истории, которые вообще без участия Церкви не могли иметь места. Достаточно вспомнить Куликовскую битву. **Изображение религии как носительницы национальной самобытности** является опаснейшей

фальсификацией ее роли, идущей из-за рубежа. Таково официальное разъяснение этого рода "опасности". Сочетается она с опасностью православного "экстремизма", стремящегося вернуть РПЦ на антисоветские позиции "тихоновщины". Пленум ЦК КПСС еще в июне 1983 г. подчеркнул, что западные религиозные круги делают ставку на религиозных экстремистов. Не любят вспоминать на антирелигиозных верхах о реально существующей религиозной оппозиции в СССР, но в связи с приближающимся тысячелетием Крещения Руси заговорили и о ней.

Специалисты из журнала "Наука и религия" (№ 1, 1984) утверждают, что экономическое и политическое развитие Древней Руси дохристианского периода породило множество форм и проявлений достаточно высокой для своего времени культуры. К сожалению, как пишут они, многое из этого достояния древнерусского общества безвозвратно утрачено. Повинны в этом безжалостное время, стихийные бедствия, вражеские нашествия, а также (и это, очевидно, для них главное) Русская Православная Церковь, по повелению которой истреблялись памятники дохристианской культуры как порождения языческого суеверия.

Во всех периодах человеческой истории, даже на самых ранних ее ступенях, мы находим следы культурного развития, а иногда и грандиозное культурное наследие, дошедшее до нас далеко не полностью. Но это не дает никаких оснований отрицать то или иное значение последующих исторических перемен. Наличие у наших предков относительно высокой культуры в дохристианский период истории Руси не дает ни малейших оснований отрицать значение крещения и христианизации страны, отрицать, что христианский период в духовном и культурном отношении был выше предыдущего. Но именно на этом и пытаются играть сейчас советские антирелигиозники, стремящиеся доказать, что Крещение Руси является малозначительным, а то и совсем незначительным фактом, пожалуй, даже имеющим отрицательное значение.

Всячески превознося дохристианскую культуру древней Руси, которая несомненно имела и проявлялась в различных формах, начиная с прикладного искусства, бытовых обрядов, народного устного и письменного творчества и кончая развитием письменности, советские антирелигиозники не забывают и религиозные верования дохристианской Руси. По их мнению, современные богословы проявляют явную тенденциозность, когда пишут о дохристианских верованиях в древней Руси. "Причина этой тенденциозности — стремление убедить, будто бы христианство (а значит, и русское православие принципиально отличается от дохристианских верований, имену-

емых язычеством..." ("Наука и религия, №1, 1984). Советские антирелигиозники отрицают и этот факт. Для них язычество является религией породившей его эпохи, и вопрос о качественной разнице между христианством и язычеством вообще как бы снимается с "повестки дня". Для редакции антирелигиозного журнала эпохальность принятия христианства заключена не в нем самом, а лишь в обстоятельствах социального порядка и ничего больше. Сущность вопроса, с их точки зрения, состоит не в замене "менее истинной" религии "более истинной", а в эпохальности перехода человечества от одной общественно-экономической формации к другой. Звучит это так, будто не люди создают переход от одной формации к другой, а, наоборот, так называемые общественно-экономические формации как некое божество довлеют над родом человеческим. С этой точки зрения, древнеславянское язычество оставалось единственно возможной формой религиозности на Руси, а христианство не могло утвердиться на Руси раньше, чем там достаточно окрепли феодальные отношения. Лишь после того, как феодальные отношения на Руси достаточно укрепились, возникли реальные предпосылки для перехода от язычества к христианству. Вся эта достаточно примитивная схема, именно схема, лишенная живого реального содержания, как и весь безжизненный марксизм, направлена исключительно на умаление приближающегося юбилея. В этой ожесточенной атаке на Крещение Руси советские антирелигиозники берут на вооружение утверждение и о том, что в славянском варианте язычества "прослеживается вполне осязаемая тенденция перехода от многобожия к единобожию". Тенденция, быть может, и прослеживается, но объяснять ее появление можно весьма по-разному. А поэтому утверждение, что даже в чисто религиозном аспекте Крещение Руси не может квалифицироваться как начало начал, надо рассматривать как пропагандный прием, направленный на дискредитацию приближающегося юбилея. Никакого принципиального отличия христианства от дохристианских языческих верований нет. Следовательно, и отечественная история совсем не начинается с Крещения Руси.

Враги СССР якобы завышают "масштабность" Крещения Руси, преувеличивают его роль в русской истории, искажают всю про-

блему. В этом особенно повинны эмигрантские реакционные круги, противопоставляющие Крещение Руси как истинное начало отечественной истории — октябрьскому перевороту как ложному началу. Такова концепция советского атеистического ареопага.

По мнению выступавших за "круглым столом" атеизма, западная клерикальная антикоммунистическая пропаганда превратилась ныне в самостоятельную отрасль идеологической и психологической войны против социалистических стран. Она имеет, по заявлениям участников атеистического "круглого стола", свое специфическое содержание, приемы, формы, методы, аргументы, а поэтому и противодействие ей тоже должно иметь свою специфику. Особенно это важно именно теперь, когда церковники собираются праздновать тысячелетие "введения христианства" на Руси. Пленум ЦК предупреждает свою пропагандистскую машину о появлении богоискательских мотивов и идеализации патриархальщины, против противопоставления религиозной жизни социалистической действительности. И предупреждает совсем не случайно...

Из кругов Московской патриархии до нас доходят сведения о подготовке к празднованию тысячелетия Крещения Руси. Выделены специальные комиссии для организации религиозного торжества. Недвусмысленно заявлено, что Крещение Руси является основанием всей русской культуры. Одновременно до предела усиливается "миротворческая деятельность" Московской патриархии в духе советского пропагандного жаргона. Эта сторона деятельности патриархии, достаточно высоко оцененная властью, балансирует с теми возможностями или, наоборот, ограничениями, которые власть наложит на российское православное торжество. Идет скрытый и довольно острый торг между патриархией и властью. Что из этого получится, предвидеть невозможно; последнее слово скажет ситуация в стране и на верхушке диктатуры. Замолчать церковное торжество не удастся; последнее отлично понимают на верхах. Но ограничить и сузить его до чисто церковного события, не имеющего существенного значения для страны, — это в советских условиях вполне возможно, и о том, как это сделать, начали совещаться за "круглым столом" советских богоборцев.

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(по страницам журналов и газет)

Экономические темы во всех журналах переживают настоящий бум, что нас весьма радует. Начнем с парижского журнала "Обзорение". Заметим сначала забавные расхождения в его редакционных правилах на разных языках. По-русски редакция пишет с традиционной (для прессы некоторого рода) гордостью: "Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает". По-английски последняя часть скромно опущена и сказано только: "Declined manuscripts will not be returned". По-французски же (язык страны издания!) скромность доведена до предела и драконовские правила сняты полностью. Поистине, хуже всего быть русским, даже в русском журнале...

Впрочем, и русский язык "Обзорения" никакому словарю недоступен. Что, например, это могло бы значить: "высокореlevantные детали", "диспаратные круги страны", "конфликты являются антитетическими к фасаду режима", "иррелевантность Москвы" и т. д.?

Перейдем, однако, к экономике. В №1 Борис Румер, эмигрант из СССР, а ныне научный сотрудник Гарвардского университета, обсуждает, по его определению, "насквозь коррумпированную систему материально-технического снабжения в советской промышленности... Предприятие не может работать, производственная программа не может быть выполнена без вовлечения предприятия в своего рода черный рынок, в сферу прямого натурообмена (металл за запчасти, запчасти за резину и т. д.). Расторопность, инициатива снабженцев — вот что решает дело. Система "толкачей", система взяток и гибких рыночных связей со своими меновыми эквивалентами формирует своих бизнесменов. И, пожалуй, по энергии и напористости с ними не сравнятся многие деловые люди Запада... И это уже не нелегальный рынок, не черный. Разве деятельность толкачей, которыми забыты все гостиницы страны, нелегальна? Разве о ней не знают власти?"

Мы привели столь длинную цитату, чтобы показать, что Б. Румер сам опровергает в конце то, что он утверждает в начале. Действительно, это не нелегальный рынок, не черный — но зачем же его так называть? Разве что для сенсации у западной публики? Можем заверить Б. Румера, что толкачи — вполне легальны, в штатных расписаниях они называются "товароведы", и численность их он мог бы узнать из ежегодных переписей. На каждом заводе в отделе снабжения есть несколько товароведов, и без их энергии план выполнить действи-

тельно нельзя, как и без энергии столь же законных инженеров и рабочих. Мы должны отметить, что если на Западе главное — сбыт, и существует огромная сеть "представителей по сбыту", то в СССР, при вечном дефиците всего, имеется адекватная сеть снабженцев.

Так что коррупция, как и взятки, упоминаемые Б. Румером, — все это для красного словца. Румер даже не пытается поставить вопрос — а из каких же средств могут даваться взятки? Ведь на предприятии все средства строго лимитируются, особенно из кассы. Снабженцы же действуют нажимом, обменом, личными связями и "расторопностью" (умением), о чем справедливо упоминает Б. Румер. (Примерно так же действуют западные сбытовики.) Надо помнить, что если у потребителя есть план снабжения, то у изготовителя есть план поставок, и он тоже стремится выполнить его, — это и есть главное орудие личных связей снабженцев в лихорадочной погоне за дефицитом.

Б. Румер продолжает: "Огромные ресурсы составляют фонд этого, не фиксируемого ни Госпланом, ни Госснабом, ни ЦСУ рынка. Но и по официальным данным на начало 1980 г. запасы средств производства в советской экономике, в составе которых большую часть составляют оборудование, запчасти и различные дефицитные материалы, составляли более 128 млрд. рублей, или примерно столько, сколько было истрачено на новое технологическое оборудование за все годы десятой пятилетки. Но государственная статистика фиксирует лишь часть этих запасов. Перепись оборудования 1972 г. обнаружила на предприятиях десятки тысяч машин и оборудования, не учтенных в статистической отчетности. Весьма существенная часть этих запасов представляет собой обменный, рыночный фонд предприятий".

Тут тоже Б. Румер сам опровергает свои утверждения. Перепись оборудования — это ведь и есть государственная статистика (а не какая-то другая). Затем, машины и оборудование ни в коем случае не входят в "обменный фонд", для этого могут использоваться только материалы. Наконец, сам Б. Румер признает, что большую часть производственных запасов составляют "дефицитные материалы". В переводе на обычный язык это означает просто нормальный запас необходимого для производства сырья. В любой стране резерв материалов ("сток") составляет внушительную величину. С другой стороны, следует иметь в

виду, что значительную часть указанного Б. Румером производственного запаса могут составлять остатки материалов для снятых с производства изделий, что тоже бывает в любой стране.

Далее Б. Румер пишет: "Что же касается сферы потребления, услуг, торговли, образования, медицины, то здесь рыночные отношения практически подменили централизованное плановое распределение". Это уже ни на что не похоже... Как же так — разве вузы принимают ныне студентов на рынке, а не по тщательно контролируемой конкурсной и анкетной системе? Разве больницы и поликлиники отменили "прикрепление" врачей к улицам или заводам и начали продавать свои услуги на рынке? (Быть может, и советской власти уж нет?) Наоборот, сферы торговли и услуг никогда не проводили "плановое распределение" (кроме как в период карточной системы), а всегда торговали, т.е. занимались "рыночными отношениями" (разумеется, с вечным товарным голодом).

В №3 польский (ныне израильский) специалист М. Хенчинский в ценной статье о советской военной промышленности делает одно явно неверное замечание. "4 тысячи военных заводов и институтов, — пишет автор, — функционируют внутри искусственно заниженной системы цен". Нам неизвестны секретные данные о системе оптовых цен на военную продукцию. Но вся косвенная информация свидетельствует не о заниженности, а скорее о завышенности этих цен. Прежде всего, общее стремление всех предприятий в СССР к завышению цен, которое с трудом сдерживается Комитетом цен, не могло бы смениться на противоположное на военных заводах, не отделенных все же от общества китайской стеной. Специалисты, переходящие отсюда на работу в гражданские отрасли, обнаруживают то же здоровое стремление к завышению цен, что и все прочие. Помимо того, когда приходится знакомиться с оптовыми ценами на некоторые гражданские изделия, производимые на военных заводах, можно легко убедиться в явной завышенности этих цен.

В №5 помещена квалифицированная статья американского социолога М. Фильда о младенческой смертности в СССР. В ряде частных пунктов этой статьи обнаруживается, однако, неясное представление автора о советской действительности. Так, автор указывает, что "в 1970 году в СССР 123 семьи приходилось на 100 единиц жилья (в США аналогичная цифра — 97)". В этой короткой фразе можно заметить несколько ошибок. Во-первых, утверждения такого рода, выглядящие слишком неправдоподобными, недопустимо проводить без указания источника. Во-вторых, не указано, что имеется в виду под "единицей жилья" в обеих странах: не есть ли это многокомнатная

квартира или коттедж в США и комната в коммунальной квартире в СССР? В-третьих, не уточнено, что понимается под "семьей": быть может, в СССР тут имеются в виду 3 поколения, т.е. родители, дети и внуки, а в США — молодожены?

В другом месте автор полагает, что "средний класс, составляющий 55 — 60% населения, в состоянии покупать дефицитные лекарства и давать взятки медицинскому персоналу". Мы не знаем, насколько легко достать "дефицит" в США (вероятно, там это предметы, запрещенные к обращению) и как распространены там наказания за взятки. Но в СССР 60% населения не может иметь дефицитные товары, именно потому, что их просто нет в наличии, ни за какие деньги. Вероятно, не более 10% населения способно достать и оплатить дефицит. Даже и в этом случае, а тем более в случае взятки, необходимо иметь **протекцию** (в связи с боязнью суровых наказаний для обеих сторон), что доступно немногим.

В №7 за ноябрь 1983 г. Нильс Удгорд, обзревая андроповский год, делает совершенно нелепый вывод: "Рабочим придется утратить свою уверенность в том, что их не могут уволить, они вынуждены будут примириться с более жесткими трудовыми нормами и более или менее обязательными перемещениями внутри предприятий, отраслей и регионов. Это будет возможно только при том условии, если рабочие будут получать значительно лучшую заработную плату". Абсурдность этого текста объяснить невозможно. Не только никогда в СССР не существовала невозможность для администрации уволить рабочих, но 7 августа 1983 г. Андропов, под лицемерным покровом либеральных фраз, ввел драконовские антирабочие законы о фактическом запрете увольнения по собственному желанию; уже в ноябре Нильс Мортен Удгорд мог об этом узнать! Обязательных перемещений не смог добиться даже Сталин, несмотря на жуткий закон от 19.10.1940 г. Что до трудовых норм, то более жесткие, чем существующие, устроить, пожалуй, невозможно. Относительно же "лучшей зарплаты", то, как известно, под давлением товарного дефицита принят курс стабилизации зарплаты и урезывания премий. Все эти рассуждения Н. Удгорда производят впечатление неуклюжего проецирования неких норвежских реалий на советскую действительность...

В том же №7 четыре (!) статьи (авторы — М. Бейссингер, Н. Удгорд, Т. Ригби, М. Геллер) посвящены итогам андроповского года, но возмутительные законы от 7 августа 1983 г. упомянуты только в одной статье **пятью словами** (половиной строчки), причем о сути их **ничего** не сказано. Зато всячески сеется злобный туман вокруг чисто пропагандного

закона о трудовых коллективах — только Томас Ригби верно заметил, что это — отклик на польское движение "Солидарность" (в 1957 г. откликом на венгерские рабочие советы был закон о "постоянно действующих производственных совещаниях"). Никто в "Обзрении", однако, не обратил внимания, что — впервые в советской истории — трудовой коллектив получил самостоятельные юридические права — на общих собраниях, созываемых дважды в год. И хотя собрания будут, конечно, под надежным контролем, но — как и права человека в конституции — этот бумажный макет может когда-нибудь ожить*.

* * *

В "Русской мысли" экономические статьи имеют пестрый уровень. Например, статьи проф. М. Геллера похожи скорее на агитацию, чем на науку. Одну из его ошибок уже отмечал С. Максудов, но "замечание вызвало у автора бурное раздражение. Геллер пишет, что ошибка в оценке смертности в десять раз совершенно несерьезна по сравнению с намерением ее исправить..." ("Внутренние противоречия" №3, стр. 63). В другом случае М. Геллер пишет следующее: "6 сентября 1981 г. "Правда" опубликовала решение по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения населения. Дальнейшее улучшение выражается в повышении пенсий — верхняя граница будет составлять теперь 75 руб., а нижняя — 26 руб." ("Русская мысль", 1.10.81 г.). Если бы изумленный читатель (еще в 1956 г. верхняя граница пенсий была установлена в 120 руб.) разыскал указанную "Правду", то прочел бы там совершенно обратное тому, что объявил М. Геллер: "С 1 ноября 1981 г. повышаются минимальные размеры пенсий". И далее следуют цифры минимума пенсий — от 26 руб. до 75 руб. для разных категорий пенсионеров.

Еще один случай можно прочесть в статье М. Геллера "Второй закон Андропова" ("Русская мысль" 30.6.83 г.): "Как подчеркивает Г. Алиев и текст закона (о трудовых коллективах) — во главе коллектива стоит партийная организация". Такой фразы, однако, в законе нет. Наоборот, в нем подчеркивается единоначалие администрации (ст. 4). М. Геллер продолжает: "Это советский Четырехугольник: администрация, партбюро, профком и комитет комсомола. В этой странной геометрической фигуре все углы разной величины, самый большой — партком. Партия руководит всем. Так было, так осталось". В докладе Г. Алиева, однако, говорится совсем противоположное: "Администрация всегда выступает как назначенное государством руководство

предприятия, действующее на основе единоначалия. Закон закрепляет это положение. Он не ущемляет функций и полномочий руководителей". Впрочем, кто работал на советских заводах, знает без всяких цитат, что всем управляет директор, а не парторг (кто не знает, может прочесть "Не хлебом единым" В. Дудинцева). Далее, М. Геллер, цитируя закон, что коллективы "утверждают кандидатуры для направления в вузы и техникумы", обрывает цитату — дальше сказано: "С выплатой стипендии за счет предприятий". Это дает М. Геллеру возможность сделать совершенно неверное утверждение: "Это означает, что без согласия "коллектива" молодые рабочие не смогут пойти учиться"; на деле же речь идет о кодификации существующего уже два десятка лет порядка, когда некоторая часть студентов направляется учиться за счет предприятий и колхозов с возвращением их на работу в те же заводы и колхозы. Как видно, М. Геллер недостаточно знает советскую экономику и слабо понимает советский бюрократический язык.

С другой стороны, в "Русской мысли" появляются квалифицированные и ценные исследования, например, "Крестьянское искусство работать" С. Максудова ("Русская мысль" 25.8.83 г.). Максудов верно замечает: "Возврат к нормальным рыночным отношениям (в сельском хозяйстве) — иллюзорен. Все меньше и меньше в стране людей, приспособленных к такой жизни. Общество теряет не только умение и желание работать сверх меры (на земле), но и экономические, предпринимательские навыки. Нам, оставшимся, и земля эта как-то ни к чему, и труд земледельческий с непривычки тяжел, и на рынок выйти стеснительно. Нет у нас ни любви, ни желания, ни умения... Сейчас как-то позабылся этот знаменательный факт, что после освобождения крестьян в России в 1861 году сельское хозяйство более двадцати лет переживало упадок. Помещики и их крепостные понемногу приходили в себя, учились хозяйствовать по-иному. (В начале XX века этот застой сменился бурным ростом.) Советский колхозник искалечен едва ли не больше, чем когда-то крепостной, и поэтому вряд ли экономическая свобода сразу может вернуть его к нормальной хозяйственной деятельности. Правда, из этого не следует, что не нужно стремиться к освобождению". Примерно то же говорит и А. Федосеев: "Однако частник ни хлеб, ни, скажем, хлопков сеять не будет. Он начнет с овощей, фруктов, картошки, чтобы продавать их на базаре. Кроме того, страну нельзя будет кормить с помощью "ручного" частного мелкого сельского хозяйства. Техника социализма, рассчитанная на огромные хозяйства, для мелкого крестьянского хозяйства неприменима" ("Голос зарубежья" №28, стр. 12).

*По существу нет прав человека в конституции, они есть только для расширения и укрепления социализма. Прим. ред.

Сахаровские Слушания в Лиссабоне. Уже давно повелось, что материалы этих Слушаний не издаются, попасть на них, даже за свой счет, невозможно (хотя в зале было не более 50 человек), в газетах же информация о Слушаниях — минимальная. (О прошлых Слушаниях в Вашингтоне — организатор Е. Янкевич — мне уже приходилось писать критику — см. "Наша страна", Буэнос-Айрес, 30.5.80 г.) Из письма П. Абовина-Егидеса и А. Левитина-Краснова (Р.М. 24.11.83 г.) видно, что организатор Лиссабонских Слушаний "К. Любарский нарушил элементарный принцип демократии; такая акция, чтобы быть серьезной, эффективной, не должна проводиться келейно, кустарно, монополично, ибо это может дать возможность тому или иному организатору преследовать какие-то узкие интересы". Неудивительно, что Слушания, тщательно огражденные от общественности и гласности, давно выродились в фарс, прикрытый, к сожалению, именем Сахарова. О Лиссабонских Слушаниях и в печати слышится мнение, что это — провал (Р.М. 24.11.83 г.).

Разберем два опубликованных в "Русской мысли" (17.11.83 г.) показания о положении в СССР. В. Лысенко рассказывает, что экипаж одного из судов "добровольно" увеличил свой рабочий день с 8 до 10 часов. Но В. Лысенко при этом не говорит, что, насколько известно, за переработку часов морякам на берегу полагается отгул, и они могут предпочитать такой способ работы, поскольку на судне все равно деваться некуда. Далее В. Лысенко сообщает, что оклады механиков в порту 115 — 140 руб. в месяц и что существуют еще надбавки за выслугу. О размерах надбавок и сроках выслуги В. Лысенко, однако, умалчивает. В. Лысенко приводит цены в СССР: костюм 120 — 150 руб., обувь 25 — 40 руб., рубашка 10 — 20 руб., пальто 100 — 200 руб. и т. д. Максимальные цены здесь правильные, но минимальные завышены. Костюм можно купить за 70 — 90 руб., туфли — 10 руб., теплые ботинки — 20 руб., рубашки 4 — 6 руб., пальто осеннее — 60 руб., зимнее — 90 руб. (Разумеется, вещи по этим ценам не так легко достать, и они могут быть не слишком красивые.) С другой стороны, В. Лысенко, рассказывая о ценах на кооперативные квартиры, не сообщает главного — что вступить в жилищно-кооператив почти невозможно, т. к. их очень мало.

Л. Консон рассказывает, что контролеры и мастера — привилегированные должности. На деле на эти места никто не хочет идти, т. к. там низкая зарплата. "Рабочий зависит от всех, он обязан угодить всем. Уйти некуда, везде одно и то же", — говорит Л. Консон. В опровержение сошлемся на Самиздат: "Рабочему нечего терять, не здесь, так там он найдет применение своим рукам и голове. Начальство, заинтересованное в показателях, нуждается в нем, а

ему нет нужды вертеться вокруг начальников" ("Форум" №3, стр. 70). В повальное воровство и злоупотребления администрации, описываемые Л. Консоном, вплоть до открытой продажи зятю директора казенной спецодежды прямо в цеху — поверить трудно. Ведь дело было в Москве, и под градом неминуемых жалоб — анонимок от обиженных — в высшие инстанции все начальство завода неминуемо слетело бы, если не хуже. Л. Консон верно указывает, что все заискивают перед начальством по поводу распределения квартир, но не сообщает, что после распределения десятки жалоб тех, кому не дали, идут прямо в ЦК — тут люди ничего не боятся. Жаль, что Консон не рассказывает, сколько же именно квартир распределялось в год на 100 человек коллектива и сколько было путевок в санатории и дома отдыха, а ведь этот чудовищный дефицит — центр всей проблемы!

Невозможно поверить в сообщение Л. Консона, что никто не решался выдвигать иные, чем предложенные начальством, кандидатуры в профком. Нагнать такого страха в глухой провинции трудно. Зато Консон ничего не сказал о порядке выборов, который делает невозможным забаллотировать неугодного работником члена профкома. Допустим, в комитет определили избрать 11 чел., и начальство выдвинуло своих 11 кандидатов. Допустим, с мест выкрикнули еще 3 кандидатов. По инструкции при тайном голосовании неизбранным считается тот, кто получил менее половины голосов, а такого добиться невозможно. Поэтому даже если треть работников голосует против одного из кандидатов, все 14 считаются избранными в комитет, который уже сам изберет председателя, какого ему укажут. Наконец, Консон уверяет, что за тридцать лет работы он не помнит ни одного случая, чтобы профсоюз выступил в защиту интересов рабочего. Я был представителем администрации в комиссии по трудовым спорам, и мы постоянно решали дела в пользу рабочих, если администрация нарушила закон. Если бы мы этого не сделали, то суд выполнил бы это сам и еще сделал бы нам замечание. Разумеется, если администрация хочет уволить рабочего, она всегда может это сделать в рамках закона. Она может также не повышать рабочему разряд, оплату или давать невыгодную сдельную работу — все эти случаи профкому не подсудны.

Самое невероятное — на Сахаровских Слушаниях о положении трудящихся в СССР 12 — 14 октября 1983 г. **ничего** не сказали о возмутительных антирабочих законах от 7 августа 1983 г. Какова же цена таким Слушаниям?

* * *

В журнале "Время и мы" №75 — 76 опубликованы "Размышления о советской действи-

тельности — последняя надежда выжить” Льва Тимофеева. После его замечательной книги “Технология черного рынка или крестьянское искусство голодать”, эти статьи разочаровывают. Вместо точных фактов нам предлагается “легковесная обличительность, которая так же не задевает, как официоз” (пользуюсь выражением Ф. Лыкова, “22” №31, стр. 156). Отметим здесь только экономическую часть. Л. Тимофеев утверждает: “Наша экономика — лишь политический механизм, механизм власти правящего страной партийного аппарата”. В своей книге (стр. 123) автор говорил куда более здраво: “Никакой серьезный анализ положения рабочего нам недоступен. Из всех слоев советского населения о нем мы знаем меньше всего. Нам известны подробности жизни в лагерях, но жизнь на заводах остается почти полной тайной”.

В журнале “22” №30 опубликовано выступление М. Михайлова на Миланской конференции журнала “Континент” (кстати, выступление Михайлова замолчано как “Континентом”, так и “Русской мыслью”). Михайлов, в частности, говорит: “Я, например, совершенно открыто выступаю в защиту Вадима Белоцерковского — публициста, с которым я почти во всем совершенно не согласен, — потому что мне кажется, что реакция на его статьи намного хуже, чем сама идея, которую он защищает” (стр. 216). Удивительно все же, что Михайлов не замечает, что реакция В. Белоцерковского на нашу критику его статей (см. “Голос зарубежья” №№10 и 21) — хуже всякой иной реакции: он просто не отвечает на конкретные вопросы и возражения*.

*А за статью в №4 “Г.З.” В. Белоцерковский подал в немецкий суд, он хотел инакомыслящих заставить замолчать **судебным** путем. Чего уж хуже! Белоцерковский, конечно, суд проиграл. Прим. ред.

Н. ВОЕЙКОВ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Руси выпала неблагоприятная роль аванпоста Европы в силу ее географического положения. Не следует забывать, что только когда развилось и окрепло Киевское государство, Европа наконец стала оправляться от непрерывных нашествий диких кочевников: теперь все удары их приняла на себя Русь.

Самым страшным ее врагом оказались монгольские выходцы — татары, предводительствуемые внуком Чингис-Хана, Батыем. Несомненно, татары, подобно древним гуннам, были в силах победить и подчинить себе всю Европу, если бы русские князья, даже разроз-

В “Форуме” №4 за 1983 г. опубликована самиздатская статья Н. Аргуни о взглядах “социал-демократов”. Там указывается на практическую неосуществимость денационализации и деколлективизации и предлагается “допущение, наряду с государственными, частных предприятий и допущение фермерского хозяйства, арендующего землю, на одинаковых с колхозами и совхозами условиях”. С другой стороны, отметим экономическую необразованность автора. Он пишет: “С выпуска продукции предприятия не снимается стоимость комплектующих изделий, сырья, полуфабрикатов, электроэнергии, топлива, вспомогательных материалов, хотя все они уже прошли как выпуск продукции на других предприятиях. Через многократный показ одной и той же продукции выпуском на различных предприятиях — создается база для мнимого роста темпов развития” (стр. 167). Но, во-первых, еще реформой 1979 г. все эти элементы из выпуска исключены и введена “чистая продукция”. А во-вторых, автор не видит, что как раз на темпах роста эти элементы не сказываются, т. к. они одинаково включены и в базовый, и в отчетный выпуск.

В “Гранях” №126 напечатана статья И. Оболенской — “Сегодняшний день экономической системы хозяйства в СССР”. Рецензировать ее нет возможности, т. к. она написана невероятно тяжелым “ученым” стилем, а в обсуждаемых темах перемешано важное с мелким, общее с узковедомственным, есть и ряд ошибок, так что разобраться трудно даже специалисту. Однако ряд мест в статье представляет определенный интерес, например, о преобразовании главков в объединения. Отметим здесь, что И. Оболенская с большим неодобрением отзывается об “огромной текучести кадров”. Ну что ж, теперь “андроповские” законы ее устранили...

(Продолжение следует)

ненные, не оказали бы Батыю столь мужественное и отчаянное сопротивление. Дошедшие до Карпат татарские отряды повернули назад главным образом потому, что силы их оказались подорванными кровопролитными битвами на Руси.

Не следует забывать, что, в отличие от прежних азиатских орд, татары явились одним из наиболее организованных войск средневековья. В XIII веке это монгольское племя проделало чудеса под водительством Чингис-Хана (1155—1227). Его гению принадлежит первое законодательство, составленное для

кочевников, — знаменитый “Ясак”. На печатях Чингис-Хановых преемников красовалась горделивая надпись: “Бог на небе, Хан, его поверенный, — на земле — Печать Хозяина Людей”. Хан Кубилай проживал в покоренном татарами Пекине как настоящий китайский богдыхан. К концу XIII-го века весь азиатский материк находился в зависимости от татар, за исключением Индостана, Сирии и берегов Эгейского и Мраморного морей. Любопытно, что монгольское завоевание открыло западным путешественникам и торговцам путь в Индию и Китай; всем известна экспедиция венецианца Марко Поло. Когда же впоследствии путь этот закрылся, пришлось искать другие, покуда не нашли Мыса Доброй Надежды.

Хан Кубилай, судя по современным источникам, был уже настолько просвещенным правителем, что прибегал к выпуску первых банковых ассигнаций (см. “Gingis-Khan”, par Fernand Grenard, Paris, A. Colin, 1935).

Татарская военная организация была, несомненно, блестящей для той эпохи. Прежде всего, татары, то того, как отправляться в поход, всегда производили очень тщательную разведку вражеской страны посредством многочисленных шпионов, своих и китайских торговцев, изучавших все ресурсы противника.

Само войско было снабжено легко переносимым провиантом, как например: сухое молоко, сушеное мясо и т. д. Татарские отряды были очень практично обмундированы, а стрелы их были рассчитаны для трех расстояний.

Во главе армии, которая завоевала Русь, находился лучший полководец Батый — Субутай-Бохадур, покоритель 32 народов, выигравший 65 сражений; татарские силы насчитывали приблизительно 150000 воинов.

Уцелевшие после татарского страшного погрома русские земли, то есть западные княжества и Новгород со Псковом, неожиданно подверглись жесточайшим ударам со стороны своих европейских соседей, коварно воспользовавшихся исчезновением Киевского государства для захвата русских земель. Как мы увидим, Новгородским и Псковским областям пришлось одновременно защищаться против немцев, шведов, литовцев и ливонских рыцарей. Своим чудесным спасением эти земли обязаны Новгородскому, а затем Владимирскому Великому Князю Св. Александру Невскому.

С. Соловьев приводит любопытную статистику в своей “Истории”. К половине XV века главным препятствием для благосостояния русского народа он считает, кроме мора, эпидемий, неурожая, землятресений и т. д., — междуусобицы и нашествия врагов. На Севере он насчитывает 90 усобиц, от которых постра-

дали больше всех: Владимирская область (16 раз), Новгородская (15 р.), Московская (14 р.), Тверская (13 р.) и т. д. Значит, в среднем, Владимир подвергался опустошению каждые 15 лет.

Что касается врагов внешних, от их нападений пострадали больше всех: Новгородская область (29 раз), Псковская (24 р.), Рязанская (17 р.), Московская (14 р.), Владимирская и Нижегородская (11 р.), Северская (8 р.), Смоленская и Тверская (7 р.) и т. д. Следовательно, Новгород терпел от врагов в среднем каждые 8 лет. Общее число вражеских нашествий — 133, из коих 48 татарских опустошений. Если сложить число усобиц и нашествий, то выходит, что в среднем Северная Русь переносила по одному опустошению в год!

Из этого можно заключить, что в XIII веке молодой русской нации угрожал конец, так как спасения от татар ей было искать невозможно у тех западных соседей, которые сами ополчились на русские земли по причинам, о которых мы расскажем позже. Следовательно, спасения и освобождения от иноверных России пришлось искать исключительно в себе самой.

Киев пал, но культура его не исчезла. Ее сохранила церковь, благодаря своим иерархам и монахам. Русская церковь, столь претерпевшая от погрома, лишившаяся множества прекрасных храмов и обителей, стала для народа хранительницей духовных ценностей и опорой в постигшем его бедствии. Непобедимые ханы Золотой Орды — “Улуса Джучи” — принуждены были с этой силой считаться и относиться к церкви с уважением. Во-первых, ханы сразу убедились в невозможности заставить русских людей отречься от православной веры. Когда Батый призвал в Орду князя Михаила Черниговского и приказал ему только пройти между двух огней и поклониться на юг тени Чингис-Хана, князь ему ответил: “Христианам нельзя идти сквозь огонь и поклоняться тому, чему кланяются здесь, такова христианская вера! Она запрещает кланяться твари и идолам”. За это, пишет летописец, Михаила стали терзать и топтать, а затем отсеки ему голову; так же замучен был и укреплявший его боярин Федор, 23 сентября 1246 года. Мощи их были привезены в Чернигов, а в 1572 г. перенесены в Москву.

Батый был настолько поражен такой непоколебимостью, что решил относиться с терпимостью к религии, способной вдохновлять русских на мученичество. Уже в 1250 году митрополит Киевский Кирилл III (1243 — 1281)*, беспрепятственно смог совершить

*Подчеркнем, что митрополит Кирилл на своих печатях именовался “Смиранный инок, митрополит Русский”, что показывает, что Киев тогда считался Русью.

длительное путешествие в Чернигов, Рязань, Суздальскую область, Новгород Великий и т.д., укрепляя и наставляя свою паству. В 1255 году Митрополит посетил новую великокняжескую столицу — Владимир, а в 1263 г. он похоронил в ней Св. Александра Невского, после чего вернулся в разрушенный Киев.

Церковная жизнь повсюду восстанавливалась в прежних формах, и в 1274 г. Кирилл III смог созвать во Владимире Собор по случаю восстановления в столице архиерейской кафедры. Избранный на нее Киевский архимандрит Серапион был известным церковным писателем, автором четырех "Поучений"; в последнем из них Серпион обличает суеверов, убивавших волхвов и волшебниц по самым нелепым причинам.

Митрополит поручил Собору заняться искоренением некоторых непорядков, замеченных им во время своих путешествий. Как дополнение к основным правилам "Кормчей Книги", Собор принял следующие решения:

1. Крещение совершать непременно через троекратное погружение, а не обливание; допускается последнее только в случае крайней нужды.

2. До оглашения маслом смазывать особо, а по крещении — миром те же самые чувства.

3. До поставления священников или диаконов епископы должны осведомляться о жизни кандидатов и спрашивать соседей, знающих их с детства.

4. Кандидатов в причетники, канонархи и чтецы обучать в соборе под руководством старших. В диаконы посвящать с 25-ти лет, в священники — с 30-ти.

Тем временем авторитет церкви настолько вырос в глазах татар, что в 1261 году Кирилл III учредил архиерейскую кафедру в самой столице ханов, Сарае, и первым ее епископом назначил Митрофана. Хань не только не препятствовали митрополиту продолжать сношения с Византийским Патриархом, но и сами изъявили желание через его посредство угождать греческим императорам. Так, в 1279 году Феогност, епископ Сарайский, три раза ездил в Константинополь с грамотами от Митрополита и дарами от хана Менгу-Тимура Императору (С. Соловьев, "История России").

Преемник Кирилла, Митрополит Максим (1283—1305), совершил, наконец, задуманное его предшественником перенесение Киевской кафедры во Владимир. Однако, как замечает С. Соловьев, государственные и церковные центры начинали постепенно тянуться с Южной Руси на Северную. Митрополит Св. Петр (1308—1326) чувствовал неустойчивость владимирского центра русской жизни и, путешествуя по Руси, как бы искал, где окончательно обосновать свою кафедру. Он не пребывал постоянно во Владимире, жил то в

Брянске, то в Москве, где он сблизился с Московским князем Иваном Даниловичем (Калитой). Св. Петр, несомненно, провидел в нем будущего "Собирателя Земли Русской". В Москве митрополит пребывал, в общей сложности, дольше, чем в других городах, и там завещал быть похороненным.

Связь с Византией не прерывалась. В 1311 г. Тверской епископ Андрей пожаловался патриарху Афанасию I на Митрополита Петра, и Патриарх велел срочно созвать Собор. Епископы собрались в Переяславле-Залесском, рассмотрели донос на Петра, признали оный неосновательным, и Митрополит полностью оправдался перед Византией.

Кроме того, сохранившая свою органическую связь с Патриархом и признанная татарами, русская церковь приняла на себя ответственную государственную роль призвания лучших из князей к изысканию путей национального единения Руси, по примеру ненарушенного единства церковного.

Как было сказано, одной из основных причин татарского ига явилась политическая разрозненность удельных княжеств, их междуусобицы и ссоры. Этот суровый урок не пропал даром, и церковь русская приложила все свои усилия, чтобы добиться воссоздания давно утраченного государственного единства. В 1270 г. Митрополит Кирилл III написал назидание бранящимся между собой князьям: "Мне поручил Бог архиепископию в Русской земле, а вам — должно слушать Бога и меня: не проливайте крови!"

Прежде всего, необходимо было придерживаться в отношении азиатских "оккупантов" политики осторожности и гибкости, в то же время не идя на компромисс в самом важном вопросе — в вопросе православной веры. Благодаря татарской терпимости, можно сказать, что, за редкими исключениями, русские князья в этой политике преуспели, причем церковная иерархия и монастыри явились для них постоянной опорой и наставлением. Наиболее способными оказались, как известно, Московские князья, которые завершили окончательное соединение земли русской.

Изучая историю этого переходного периода, от разрушения Киевской Руси до начала Московской государственности, невольно поражаешься мужеству и преданности Православия русского народа. Перечисленные С. Соловьевым народные бедствия, достаточные для полного уничтожения любой нации, сродники между собой целые области, укрепили русский национальный дух и еще более приобщили народ к церковной жизни, ставшей для него неотъемлемым элементом бытия. Живя жизнью церкви и святоотеческими традициями, русский человек, несмотря на тяжкое иго, не утратил, а усовершенствовал свои природные

качества, а народное творчество этой эпохи, как мы увидим, свидетельствует об успехах, достигнутых в области культуры и искусства. Оторванная от Европы, эта русская культура явилась вполне самобытным отражением народной души, ее верований и идеалов. Истоки ее оставались, как и встарь, в Православии, столь ревностно воспринятом Киевской Русью.

С точки зрения экономической, следует подчеркнуть благоденствие богатейшего русского города того времени — Господина Великого Новгорода, которому посчастливилось ни разу не попасть в руки врагов, восточных или западных.

Ввиду значения в русской истории этой первой варяжской столицы, ее культуры и политической самобытности, мы позволим себе вкратце рассказать о Новгороде.

По свидетельству византийских хроник, за сто лет до Рюрика знали уже о "Новом Городе", населенном славянами, торговавшими с греческим колониальным городом — Ольвией, находившимся близ нынешней Одессы. Один из торговых путей вел от Ольвии к Новгороду. Очевидно, до "Нового Города" когда-то существовал и "Старый Город", как предполагают некоторые ученые. Первые строения Новгорода были деревянными, так как камень стоил дорого, а вокруг изобиловали леса. Однако, судя по недавно произведенным раскопкам, древний Новгород имел вымощенные улицы и канализационные стоки еще в XI веке, усовершенствования, не существовавшие тогда ни в одном европейском городе.

Летописец, повествуя о призвании Варягов, пишет: "Реша Руси Чудь, Словени и Кривичи: вся земля наша велика и обильна" и т.д. Следовательно, в призвании князей участвовали и финны, под именем Чуди. Историк Беляев говорит, что славяне не обращали финнов в рабство, а принимали их в свое общежитие, одновременно влияя на них нравственно. Путем смешанных браков оба племени настолько сроднились, что в IX веке их общественные интересы стали одинаковыми.

Как столица варяжских князей Великий Новгород превратился в царственный град и для славян и для финнов, причем, оба племени пользовались одинаковыми правами. ("Рассказы из Русской Истории", И. Беляев, Москва, 1886 г.) Итак, на севере произошло с финнами то же, что и с варягами на юге, — постепенное слияние во единую русскую семью.

С древнейших времен Новгород славился своей торговлей со всем миром. Готские купцы издавна считались лучшими его клиентами, а с расширением Ганзейского Союза (XIII — XIV вв.) немцы образовали там собственную общину. На Востоке новгородцы вели оживленную торговлю с хазарами, арабами и

болгарами, одновременно с греками и их колониями.

Когда столицей Руси сделался Киев, Новгород стал управляться наместниками киевских великих князей, вплоть до смерти Владимира Мономаха. Ввиду княжеских междоусобиц и удельных ссор за Киевский великокняжеский стол, главное политическое управление в Новгороде перешло к "вечу", по решению которого стали выбираться князья, удобные городу. Духовенство избирало "владыку" (сперва епископа, затем — архиепископа), которого посылали на утверждение к Киевскому митрополиту.

Древнейший Новгородский монастырь был основан св. Антонием Римлянином. Этот святой родился в Риме в 1067 году и там изучал латынь и греческий. Желая удалиться от ересей и новшеств, св. Антоний стал скитаться и в 1108 году на камне приплыл в Новгород по Неве и Волхову. Приютил его сперва некий купец Готфин (гот из Крыма), и он основал первый Новгородский монастырь, где и скончался. В XII веке св. Игумен Варлаам основал в десяти верстах от города Хутынский Спасопреображенский монастырь. Умер Варлаам в 1193 году.

Великий Новгород владел обширной территорией, разделенной на пять провинций или "пятин", от Чудовского озера до Ильмени и Вятки, обнимая весь север Руси. Колонизаторами этого великого края были первоначально монахи, а также дружины "ушкунников" (ушкун — лодка). На Руси издавна существовали таковые товарищества промышленников или просто любителей приключений и вольной жизни, промышлявших грабежами. Дружинами такого типа в юго-западных степях были "бродники", объединенные в своего рода корпорации во главе с выборным "ватаманом" (от слова "ватага") или "атаманом". На востоке и юго-востоке существовали казачьи "ватаги" или артели промышленников и казаков, хозяйничавших на Днепре, Тереке, Яике и Дону; из их числа впоследствии вышли славные товарищи Ермака Тимофеича, покорителя Сибири. Как указывает проф. Вернадский ("Звенья Русской Культуры"), задолго до учреждения Петром I цеховой организации в России существовали те же цехи или по-западному — корпорации, только под названием артелей, ватаг и т.д. Древнерусские акты XII и XIV вв. отмечают существование и развитие артелей для рыбного промысла, для охоты (охотники на кречетов, например, входили в ватаги "помытчиков") и т.д. Постройкой храмов, как на западе, ведали артели каменщиков, плотников и др. мастеров. За качеством работы артели следили выборные "старшины". Темпы построек кажутся нам невероятными: многие каменные храмы, например, церковь св. Михаила Архан-

гела в Москве, закладывались и строились в течение одного года (Никон. III, 160, IV, 8), а деревянные или "обыденные" церкви зачастую **строились и освящались в один день!** (С. Соловьев.)

Новгород, присоединенный к Московскому Великому Княжеству в 1478 году при Иоанне III, славился великолепием своих храмов и искусством своих мастеров.

Как было сказано, Ярослав Мудрый выстроил в Новгороде знаменитый каменный собор Св. Софии на месте, где в 1045 году сгорел дубовый храм "о тринадцати верхах", поставленный первым Новгородским епископом, св. Иоакимом Корсунянином в 989 году.

Самым распространенным типом новгородских, как и вообще северных деревянных церквей была "шатровая" или, как называлась она в летописях и актах, "церковь деревянная вверх". Из более чем 150 храмов, выстроенных в Великом Новгороде с XIII по XV век, не считая выстроенных заново, было сто каменных.

Новгородцы особенно умело и блестяще восприняли греческое архитектурное искусство, а также создали самобытную Новгородскую Школу живописи.

В XIV веке в Новгороде славились мастера: Иван, Климент и Алексей; в Пскове в 1420 г. — мастер Федор с дружиной (т.е. артелью) обили свинцом храм Св. Троицы, причем, по словам летописи, пришлось из Москвы выписывать мастера по литью свинцовых досок; мастера прислал в Псков митрополит Фотий, и Федором научился этому искусству.

Епископ Ефимий Новгородский покрыл чешуей Ладожскую церковь св. Георгия. Новгородские мастера-золотильщики покрывали золотом не только купола и маковицы, но и гробы, например гробницы кн. Владимира Ярославича и матери его, княгини Анны, в Софийском Соборе.

Епископ тверской Феодор соорудил медные двери для церкви св. Спаса, таковые же, но позолоченные, были сделаны для церкви Св. Спаса в Нижнем Новгороде. Епископ Игнатий Ростовский вымостил Богородичную церковь красным мрамором, подобно тверской церкви Св. Спаса.

Греки расписали живописью Успенскую Соборную Церковь в Москве в 1343 г., а их русские ученики мастера Гойтан, Семен и Иван — монастырский храм Св. Спаса.

Феофан Грек и Семен Черный расписали в Кремле церковь Рождества Богородицы и св. Лазаря в 1395 г., а тот же Феофан в 1399 г. расписал церковь св. Михаила и в 1405 году — храм Благовещения на княжем дворе вместе со "старцем из Городца" — Прохором и знаменитым "чернецом" — иконописцем Андреем Рублевым.

Рублев и иконописец Данила расписали Владимирскую церковь Богородицы, Троицкую церковь в Сергиевской Лавре и церковь Андроникова монастыря в Москве.

Летопись упоминает также об известном новгородском мастере Исаие Гречине, а в 1385 году отмечает гибель во время пожара в Павловом монастыре русского мастера-иконописца Иваша.

К этому длинному перечню древних шедевров русского церковного искусства, разумеется, можно было бы прибавить еще много. Опишем также развитие искусства литья колоколов. В 1345 г. мастер Борис Римлянин отлил в Москве три больших и два меньших колокола, а в Новгороде — большой колокол для Св. Софии.

Интересно, что в 1404 году некий монах Лазарь построил в Москве, за церковью Благовещения, на дворе Великого Князя, часы, которые летопись описывает следующим образом: "Сей же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно не како сотворено есть человеческою хитростью, преизмечатно и преухищрено".

В 1436 году Новгородский епископ Ефимий тоже устроил звонящие часы (С. Соловьев, *op.cit.* Т. IV, гл. III, стр. 1236—1239).

Так, несмотря на все бедствия, произрасталось русское искусство, строились и украшались храмы, свидетельствующие о любви к вере и благочестию всех русских людей. Искусство этих древних мастеров поражает отделкой и законченностью работы: малейшие детали архитектуры, украшения дверей, окон, сводов, храмов изумляют своим совершенством. Щедро жертвуемые Церкви драгоценные камни, золото и серебро покрывали престолы, царские врата, иконы, ризы, евангелия и т.д.

Одновременно продолжалась повсюду проповедь православной веры — иное свидетельство жизненности церкви во время татарского ига.

На северо-востоке прославился апостол зырян или пермяков св. Стефан. Родом из Устюга, он принял монашество и, изучив зырянский язык, подобно св. Кириллу и Мефодию, составил для зырян азбуку и перевел богослужебные книги и Св. Писание. Будучи поставлен епископом в Перми, св. Стефан выстроил множество храмов и открыл при них школы. Друг Св. Сергия Радонежского, св. Стефан приобрел на всем севере такой авторитет, что даже самовольные новгородские ушкуйники питали к нему любовь и уважение. Преемником Стефана в Перми был епископ Исаак, затем Питирим, замученный вогулами, среди которых он проповедывал.

Наконец, Православие оказывало влияние и на самих татар. Летопись рассказывает, как в 1390 году к Великому Князю Московскому Василию Димитриевичу явились три ханских придворных, прося крещения, которое совершил сам митрополит Киприан.

Вышеуказанные артели, промышленные и ремесленные, почти всегда возникали при церковных приходах. Артельщики заботились о "своем" храме и его благосостоянии; храмовой праздник являлся праздником всей корпорации и торжественно справлялся ("почесть створити"). Так, в Новгороде, вокруг церкви св. Параскевы Пятницы, объединялось "заморское купечество", при храме св. Иоанна Предтечи на Опоках — другое купеческое товарищество и т. д. В Новгороде и Пскове каждая улица или "конец" имели свой приход, являвшийся главным центром "Кончанской жизни".

В монастыри, о которых будет сказано особо, шли лица из разных сословий; как известно, св. Алексей, митрополит Московский, происходил из боярского рода Плещеевых; св. Сергей Радонежский — из бояр Ростовских и т. д.

Духовенство бесстрашно боролось против разных татарских обычаев. Например, "кабальной зависимости", то есть обращения в рабство за долги до выплаты процентов (по-арабски "кабала" — долговая расписка). Этот обычай, происходивший из Уйгурского права, впервые упоминается летописцем в 1262 г. ("Звенья Русской Культуры", стр. 123). Кроме того, церковь русская, со своего зарождения всячески старавшаяся облегчить участь рабов или "холопов", достигла в этой области

значительных успехов: многие хозяева стали отпускать на волю рабов по духовному завещанию, перед смертью. Число таких вольноотпущенных, или "задушевных людей", благодаря церкви сильно увеличивалось повсюду. Проф. Е. В. Спекторский пишет: "Русский народ принял христианство не как схоластическую систему, а как руководство к праведной жизни и добротолению согласно с евангельской правдой... На западе христианство столь слабо проникало в деревню, что деревенщина стала даже синонимом язычества (паганус от пагус — пейзаж). На Руси же деревня столь быстро усвоила христианство, что **земледельцы из смердов превратились в крестьян (христиан)**, а "погаными (паганус — язычник) именовались иноверные кочевники.

Весьма знаменательно, что после принятия христианства в западной культурной Германии героем народных сказаний был Этцель (хищный вождь Гуннов — Аттила), тогда как героем древнерусских былин — кроткий Илья Муромец, богатырь, защищавший мирное крестьянство от всех злых сил, истый христианин, которого народная память смешала даже с канонизованным в XVII в. преподобным Ильей Печерским (Чоботком).

В то же время, церковь строго карала торговлю людьми, особенно продажу их в рабство иностранцам ("поганым"). Суровые епитимии налагались духовенством за всякое убийство "холопов". Уже в XII веке Митрополит Георгий писал в своем "Правиле": "Аще кто челядина убьет, яко разбойник епитимию приемлет".

Таков был уклад жизни русского общества в тяжкие века татарского владычества.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"РУССКАЯ МЫСЛЬ". В номере от 27 апреля помещены превосходные стихи К. Померанцева, умно, пронзительно и с обезоруживающей откровенностью рисующие психологию и деятельность как самой данной газеты, так и идейно близких к ней кругов:

Как унизительно убоги
Все наши склоки и дела
И смехотворны эти тоги
Вершителей добра и зла.

Поздравим автора с творческой удачей и присоединимся целиком к его меткой и объективной оценке.

"Бывает справедливость и на земле!" — неволько восклицаешь, читая в той же газете рецензию Ю. Кублановского на книгу Н. Кривошеиной "Четыре трети нашей жизни". Пробыв 30 лет в эмиграции, советская патриотка

с сыном и мужем выехали в СССР. Ждали кисельных берегов и молочных рек; а разве не было перед ними нашего, новых эмигрантов, свидетельства? Но нас они травили и не брезговали предавать в руки большевиков... Естественно, родина им прописала кузькину мать. Но будто они не заслужили? Теперь, вернувшись за границу, они пишут мемуары о своей судьбе и, понятно, себя выгораживают. Не лучше ли бы им молчать? Получили то, что им полагалось поделом (и еще не сполна, раз их обратно выпустили).

Один из немногих талантливых сотрудников парижско-русского еженедельника — В. Нечаев, который ведет свой отдел кинематографических рецензий (очень трудный, на самом-то деле!) на высоком уровне, почти всегда делая их глубокими и интересными.

Тогда как та же самая работа, не только в русской, а и в иностранной прессе, попадая в руки бездарных людей, слишком часто превращается ведь в серую халтуру. Досадно видеть под его пером комическое написание **Бюнюэль**: испанская фамилия знаменитого кинопостановщика произносится Буньюэль; так ее и следует изображать по-русски.

“КОНТИНЕНТ” № 39. Не устаешь удивляться, для кого издается журнал и кто находит в себе терпение его читать? Посоветуем редакции упразднить вовсе отдел художественной литературы. Он окончательно стал прибежищем бездарностей. Рассказы и повести С. Довлатова, М. Зайчика, Ю. Милославского и Ф. Горенштейна суть на деле вяло состряпанные газетные очерки, без сюжета, без мыслей и без содержания. Не лучше их оказался, к сожалению, в роли беллетриста и Л. Наврозов. Без проблеска теперь и стихи. В. Долина позволяет себе оскорблять память Пушкина. К. Померанцев о себе констатирует: Меня уж нет. Меня не существует.

Для чего же тогда и писать?

Из 13-ти стихотворений Ю. Кублановского заслуживали быть напечатанными 2—3; в частности, начинающееся строфой:

Старый форт ежевикой
за откосом откос
сладкоколкой и дикой
непроглядно зарос.

Отметим также стихотворение В. Бетаки “Вандея” (по духу оно тут не совсем и на месте).

Отвратительны вирши С. Гандлевского, особенно те в виде рубленной прозы, коими открывается номер (стр. 7). Первая же фраза вызывает глубокое омерзение... Впрочем, прозаики не отстают от стихоплетов: у Ю. Милославского целые страницы сплошь заполнены грязным сквернословием; см. напр. стр. 138.

Отбросив беллетристическую часть, займемся публицистической, представляющей больше ценности. Н. Коржавин предлагает нам отличный анализ воспоминаний старой троцкистки М. Иоффе, умеренный и даже благодетельный по отношению к автору, но убийственный для ее взглядов.

Иное впечатление оставляет рецензия Т. Мянвича на книгу И. Мацкевича “Торжество провокации”: мелкий человек судит о большом. Ему кажется, что, мол, Мацкевич хороший писатель: да зачем же он антикоммунист? И как же, мол, он хочет от “Солидарности” выступления против большевиков, вместо лояльности к ним? Того не возьмет горе-рецензент в толк, что половинчатыми средствами с кремлевским правительством бороться бессмысленно.

Разбирая книгу германского слависта Д. Бодена об изображении немцев в русской

и советской литературе, Г. Андреев несколько поверхностно приписывает славянофилам огульную ненависть к Германии, не останавливаясь совершенно на ее причинах.

Ю. Мамлеев (один из редких писателей из числа **новейших** не лишенный ни таланта, ни оригинальности) в большой статье рассматривает проблемы духовного возрождения в России, вполне правильно указывая, что наряду с возвратом к православию в этом движении налицо и более темные тенденции — к сектантству, к буддизму, к оккультизму и т.п. Его мысли безусловно заслуживают внимания, хотя и не во всем можно с ним согласиться.

М. Кулмагамбетов, в очерке “Возвращенцы”, беспристрастно и дельно излагает свои наблюдения над различными категориями эмигрантов, возвращавшихся из-за рубежа на родину; главным образом, над наименее виновными, завлеченными хитростью или захваченными насилием; не только над русскими, но также над украинцами и белоруссами, финнами, армянами и казахами; последнее придает его сообщению особую ценность.

В интервью с балериной Н. Макаровой выделяются ее непосредственные и умные слова о жизни в Советской России: “Ведь это же надо лгать, надо приспособляться, и это нужно делать официально”...

“НОВЫЙ ЖУРНАЛ” № 154. Было бы любопытно прочесть целиком роман С. Яворского “Звонит колокол”, кусочек из какового, “Ограбленные боги”, здесь дается; несмотря на явные недостатки в отрывке, взятом самим по себе. Рисуетса встреча бывшего концлагерника Гребядкина с чекистом Вороном (не слишком ясно, в каких, конкретно, условиях). Гребядкин сперва хочет Ворона убить; но ограничивается произнесением длинной обличительной речи и, хотя хватает врага за горло, но, повозившись недолго, отпускает; он морально не в силах умертвить человека. Тут бы меньше слов и больше дела! Однако разговор-то между ними воспроизведен не без дарования.

Рассказ Ю. Кашкарова “Муром” слабее прежних, бессвязен и скучен. Из стихов лучше — О. Анстей и О. Ильинского; хуже — В. Перелешина и И. Чиннова. Н. Ульянов пробует не без успеха силы в поэзии, в трудной форме венка сонетов “Рим”.

М. Дубинин ломится в открытую дверь, показывая гуманность, с какою тогдашнее правительство обходилось с Пушкиным. Но ведь это отнюдь не исключает выражения поэта “мой жестокий век”! Он жил в эпоху войн и заговоров, суровых законов и строгих порядков — не столь кошмарную, конечно, как наша, но которую и мягкой назвать нельзя.

Трудно без возмущения воспринимать тя-

гучие и бездарные рассуждения Ю. Иваска под лжезаглавием "Похвала российской поэзии"! Снисходительно и запанибратски похлопав Пушкина по плечу, он объявляет его стихи... **вялыми!** И это какие: дивное переложение молитвы Ефрема Сирина "Отцы пустынники и жены непорочны"... Пушкин **вяло** не писал никогда (похоже, что и не сумел бы; у него и Ленский выражается не **темно и вяло**, а скорее пламенно и трогательно); в данном же стихотворении он достигает по силе и сжатости одной из вершин своего творчества. Может быть, содержание, тема не нравится Иваску? Так пусть бы он прямо и сказал...

Впрочем, ему повсюду чудится **вялость** (в самых неподходящих местах!). Он ее даже в "Перекопе" и "Лебедином стане" Цветаевой обнаружил, где поистине медь и флейта зовут на бой и стихи плачут над павшими! Да ларчик просто открывается: **вялость** коренится в мироощущении г-на Иваска, который сам обо всем глаголет серо и нудно. Плохой поэт, он специально ужасен в не подобающей ему роли литературного критика.

Публицистика и рецензии на сей раз мало содержат примечательного. Ярче остального очерк М. Гольдштейна "Вундеркинды 30-х годов". Воспоминание о детстве поэта А. Штейгера тусклы. М. Гардер в черзчур оптимистических тонах перечисляет недочеты большевиков с военной точки зрения; к несчастью, совсем неубедительно.

Эссе М. Первушина "Новое о древней Руси" вызывает сокрушение. Люди с неправильно развитым патриотизмом с давних пор пытаются "опровергнуть" непреложный факт участия варягов в создании нашего государства (в котором ничего для нас унижительного и в помине нет!) и подменить исторических норманнов какими-то чужеземными славянами (в данном случае, — будто бы с острова Рюгена). Но будь так, — летописцы про то нам бы и сказали. Да и данные языка красноречиво указывают на скандинавов. Не будем перерабатывать наше прошлое на орвелловский лад! Оставим фальсификации большевикам.

"ВЕЧЕ № 13" Украшение номера — прекрасная статья архиепископа Нафанаила против непротivления злу. Она крайне актуальна, поскольку сейчас толстовство возрождается в сочинениях целого ряда третьеволновиков.

Е. Вагин на этот раз отсутствует, о чем жалеть не приходится. Его заменяет Л. Келер, выступающая с пространным исследованием под заглавием "Н. Ф. Федотов и критики" (хотя в действительности речь идет не о **Федотове**, а о **Федорове!**), где она горячо и пристрастно пропагандирует бесспорно еретические идеи полубезумного философа конца прошлого века. (Беспардонное рекламирова-

ние оного есть почему-то специальность "Веча"!)

О. Поляков трактует примерно те же вопросы духовного возрождения в СССР, что и Ю. Мамлеев (см. выше). Он убедителен в том, что марксисты, изверившись в марксизме, часто впадают в цинизм и аморализм. Но он отчего-то обходит факт, что большинство нашего народа в Карлу Марлу никогда и не веровало. Марксизм являлся религией узкого круга выдвиненцев и активистов; их-то сейчас и преследуют болезни разочарования и внутреннего опустошения. Впрочем, и из них иные находят путь к свету правды; и для тех кризис есть болезнь роста, которая не к гибели, а ко спасению.

Выразим соболезнование коллеге Р. Плетневу по поводу его недурного этюда о творчестве П. Мельникова-Печерского. Он привел в начале своей работы латинскую цитату — и очень простую: *Dii minores litteraturae Russicae*; а в журнале она превратилась в... *Dii minores litteratural Russical!* Стыдно за нашу прессу, особенно перед иностранцами: любую фразу на чужом языке непременно перевирают, — и до чего безбожно!

Что до самого исследования, оно было бы кстати, — Мельников-Печерский писатель у нас почти классический, — если бы автор сконцентрировался на главных линиях, а не отвлекался бы поминутно в сторону, изучая то словарный состав, то роль народных песен и фольклора, то проблемы цен и заработков в России в XIX в. В результате, он ни о чем обстоятельно не рассказывает, а читателя утомляет.

В. Нефедов старается свалить вину за революцию на евреев и латышей. Обе эти народности по-разному и по разным причинам сыграли в нашей смуте большую роль, чем соответствовало их численности; но ведь ясно, что не в них одних было дело. У автора чувствуется на каждом шагу слепое озлобление, которое вредит впечатлению; даже и там, где правда на его стороне, он не внушает доверия в силу очевидной своей предубежденности. Язык у него небезупречен. Что это за француз и немец по имени **Фонтан** и **Штобер**? Как говорится: "Таких и фамилий не бывает"! Вероятно, нужно читать **Фонтен** и **Штебер**.

Вот и в отзыве О. Красовского на книгу Ю. Ветохина "Склонен к побегу" перепутано название города в Индонезии, куда тот попал, удрав с советского судна; вместо **Тернате** напечатано **Териате**.

"РУССКАЯ ЖИЗНЬ". Не лишены интереса воспоминания В. Перелешина о русских литературных кружках и отдельных поэтах на Дальнем Востоке в период *entre deux guerres* и позже. Любопытны и другие воспоминания: Берин-Бея, принадлежавшего к первой эмиграции, жившего в Финляндии и служившего в

финской армии, а затем выданного финнами большевикам и проведенного 11 лет в концлагере.

Напрасно, пожалуй, газета предпринимает, пером Н. Пушкирского, попытку реабилитировать Надсона под предлогом, что его не признают в Советском Союзе. Он — поэт посредственный, и по духу — наследник шестидесятников; вряд ли его муза способна кого увлечь у нас на родине, сейчас или в будущем.

Исключительную важность представляет интервью, данное одним из вождей афганского сопротивления, командиром одного из самых больших партизанских отрядов, держащего во власти целую провинцию в Афганистане с населением в 880000 человек, Амином Мухаммедом Вардаком, возглавителю Коалиции за Свободу России, А. Карали. Вардак говорит — дай Бог, чтобы искренне и правдиво! — все то, что бы нам, русским, хотелось от афганцев слышать: "Аллах и наша вера категорически воспрещает убийство безоружного и особенно военнопленного... Насильственное навязывание религии является величайшим преступлением перед Аллахом. Мы ведем войну не против России и русского народа. Русский народ это первая и величайшая жертва международного коммунизма. Вместе с нами мужественно борются против коммунизма многие бывшие военнопленные. Они обучают нас новейшей военной технике. Они наши братья по борьбе против коммунизма. Большинство присоединившихся к нам — русские и украинцы. Мусульмане-военнопленные вливаются в нашу среду обычно с первых дней".

Убийственен его отзыв о США: "Американцы помогают своим могильщикам (СССР) больше, чем нам. Нас они встречают только хорошими словами и сладкими улыбками".

Остается сделать вывод, что с такими людьми как Вардак (даже если они не всегда и не во всем могут свою программу осуществить), нам возможно и должно сотрудничать.

Отметим также, в перепечатанной из "Посева" статье, показания советского перебежчика к афганцам, В. Наумова: "Мне кажется, что солдатам не хватает только офицеро-руководителей, чтобы повернуть оружие в обратную сторону. Стоит начать, и дальше, я думаю, солдаты сами начнут приставать к восставшим... Среди солдат ходят слухи о свободном русском отряде в Афганистане. Может быть, такого отряда и нет, но солдаты хотят, чтобы он был".

Нам бы всем надо приложить усилия, чтобы он и впрямь был создан!

Удручает в "Русской Жизни" систематическое и преизобильное упоминание американцев, которые, вероятно, понятны ее читателям в Сан-Франциско, но не лицам, живущим вне Соединенных Штатов. Русская пресса

должна бы издаваться на сколько-то чистом и правильном русском языке! Неприятно и то, что все иностранные имена уродуются на английский лад.

"ГРАНИ" № 131. Неожиданна эволюция журнала. Он **целиком** перешел в руки третьей волны! Доновейшая эмиграция молча сдала позиции, словно бы ей нечего сказать... Между тем, ведь мы десятки лет защищали определенные ценности — потерявшие разве значение? — вредные и опасные большевикам, защищали с упорством, порою с успехом (а новые, ныне нам навязываемые, — имеют ли они вес?).

Единственное исключение в номере — перепечатка рассказа А. Веселого, советского писателя послереволюционной поры, благополучно большевиками расстрелянного. Очевидно, принцип тот: раз казнен, значит — мученик и герой; значит, — нам пример, надо читать и изучать (а там и правовернейших коммунистов подчас ликвидировали!).

В рассказе описываются, не без восхищения, хулиганства двух пьяных матросов: "Не вытерпел бог удали матросской, околел..." Это еще не из самых ярких перлов Веселого. Бог-то жив, и во благовремени покарал по заслугам и сочинителя, и безумных его героев. А нам не лучше ли бы порожденного **бессмысленным и беспощадным русским бунтом** писателя оставить спокойно спать в его кровавой могиле?

Итак, номер заполнен исключительно диссидентами. Но и они — разного типа и разного качества. А. Югов прекрасно разбирает творчество А. Зиновьева, не оставляя буквально камня на камне. Хочешь — не хочешь, приходится со всем согласиться.

На высоте на сей раз и М. Поповский, сокрушительно критикуя иллюзии левой американской интеллигенции, которая в погоне за всемирной и космической справедливостью уперлась в поклонение чудовищной красной тирании, да так и застыла навек **все в той же позиции**.

Иное дело — "Встреча с Анной Ахматовой" А. Копелева и Р. Орловой. Ахматова почтенным супругам нужна только дабы выплясывать свои собственные неинтересные и несимпатичные личности. О самой поэтесе мы **ничего** нового не узнаем; даже когда приводятся ее подлинные слова, — то почти всегда такие, которые уже не раз появлялись в печати. Зато сообщается нам с нуднейшими подробностями, что и когда каждый из этой пары думал об Ахматовой, почему и в какой мере свои о ней мысли изменял. Первоначально-то, как резюмирует Орлова, "в моем тогдашнем мире Ахматовой не было" (и это-то до "середины 50-х годов").

Цитируются нам заодно грязные остроты Маяковского по адресу Ахматовой и Цветае-

вой. Что же, будучи ниже их по таланту, сей "агитатор и горлан" имел основание им завидовать; *inde ira*. Слова же Маяковского о Гумилеве: "Он был хорошим контрреволюционным поэтом" — можно считать за комплимент (несмотря на ограниченность кругозора, коею они проникнуты).

О критических способностях Копелева достаточно ярко говорит то, что до него в первую очередь дошли патриотические стихи Ахматовой в годы войны (простим их ей; у нее ведь были: "Муж в могиле, сын в тюрьме"...). Типичны и роняемые автором злобно шипящие упоминания об А. Солженицыне и об Л. Гумилеве. Видно, что Орлова и Копелев их крепко не любят (а тем, наверное, все равно!).

Самое знакомство Копелева и тем паче Орловой с Ахматовой представлялось бы непонятным, если бы Орлова не уточняла, что оно основывалось на обмане: "Я... никогда не говорила ей, как поздно я пришла к ней и почему поздно. И вообще, я никогда не говорила, какими мы были раньше, в молодости... Она отрицала существование таких, как мы. Таких, кто был действительно убежден в исторической необходимости, в справедливости нашего общественного строя. Она полагала, что искренне верить могли лишь глупцы... Остальные же притворялись, лгали. Одни — из корысти, ради карьеры, благополучия. Другие — из страха... Когда ей возражали, она не хотела слушать, раздражалась: ведь мы знали все, как же другие могли не знать?... И она, мудрая, так много знавшая, не хотела, не могла понять, что были все же и такие люди, как мы, которые не выбирали, не сомневались, потому что верили".

Чтобы это было правдой, Орловой следовало бы сказать: "Потому что нам выгодно было верить". Не диво, что умная и опытная (несмотря на немало ошибок) Ахматова так и видела вещи, как они реально обстоят. Почему она все же общалась с Копелевым и Орловой — маловразумительно, как и то, почему их к ней ввела Н. Мандельштам, хорошо Орлову раскусившая и давшая ее портрет в своей "Второй книге" (стр. 35).

Мы же о них скажем: порождение большевизма, отдавшее ему душу, они никогда не обретут духовной свободы; в эмиграции они суть чужеродное тело, и никакого взаимного понимания у нас с ними быть не может. А вот скверно, если они стали влиятельны в "Гранях".

Основное блюдо, *plat de resistans*, предлагаемое нам "Гранями", есть начало романа Л. Бородина "Расставание". Автор, хорошо уже нам знакомый, безусловно талантлив, и тут вполне на высоте своего дарования. Тем не менее, хочется заметить, что центральный

персонаж не вызывает симпатии, более того, заранее ощущается, что он принесет несчастье всем вокруг себя (и это несколько вредит художественному эффекту). Он — человек внутренне опустошенный, без устоев, во всем разочарованный. Поехав в провинцию в командировку, он там соблазняет дочь священника, собирается на ней жениться (но вряд ли у него получится) и возвращается пока в Москву урегулировать свои дела.

Живее и убедительнее у Бородина не священник с его дочкой и отвергнутым ею женихом, причастные к религиозному миру, а московские диссиденты периода отлива и упадка в их движении. Их он рисует жестко и откровенно, напоминая отчасти талантливую Анну Герц, писавшую когда-то в "Новом Журнале".

Отец героя, твердокаменный большевик, так характеризует инакомыслящих: "Если народовольцы были против царизма, они сражались с ним насмерть, то есть обещали смерть своим врагам и готовы были к смерти сами. Диссиденты же из кожи вон лезут, доказывая, что они не антисоветчики, что политикой они не занимаются, они и сами убеждены, что сажать их не за что". Портреты же левых инакомыслов, которые Бородин дает от себя, — и вовсе уж безрадостны. Хотя, что поделаешь, вероятно, вполне правдивы... Подождем, однако, чтобы судить, второй части романа.

"СВОБОДНОЕ СЛОВО РУСИ". В номере за ноябрь-декабрь 1983 года курьезна полемика между В. Ниловым и новейшим эмигрантом В. Павловым, живущим в Австралии. О ней приходится сказать, как в известном анекдоте о Сталине и Гитлере, "оба хуже". Совершенно законно возмущая советофильством Нилова, играющего на русском патриотизме с целью заставить нас помогать большевикам, Павлов впадает в противоположную крайность, допуская в целях антикоммунизма и разединения России, и унижения русского народа, и чуть ли не завоевание нашей страны Китаем*. Он невольно льет воду на мельницу своего противника и сразу попадает в тупик. Рассуждение "хоть с чертом, лишь бы против большевиков" плохо тем, что черт-то всегда оказывается на стороне большевиков! Выбрось мы подобные лозунги, мы бы себя лишили поддержки самого мощного и самого нужного союзника: русского народа. Который хочет освобождения от большевистского ига, но, несомненно, ни расчленения своей родины, ни своего физического уничтожения несколько не желает и согласиться на них не может. Наша задача именно в том, чтобы ликвидиро-

*Павлов, очевидно, выдуманное лицо, персонаж, введенный Ниловым для того, чтобы ему было удобнее советофильствовать. Прим. ред.

вать большевизм, не разрушая России. Только те политические программы и стоит рассматривать, которые исходят из данных предпосылок.

Pro domo sua: Прошу Б. Бровцына обращаться с возражениями не ко мне, а к А. И. Солженицыну, у которого я взял сообщение ("Архипелаг Гулаг", т. III, стр. 482–83) о казни Н. Давиденкова. Цитирую: "Очевидно по старому лагерному делу, он получил расстрел, уже незаменный (уже возвращенный нам Указом января 1950 г.)".

P.S. В последнем "Обзоре" (Голос Зарубежья № 33) много опечаток очень неприятных, ибо искажающих смысл. Укажу только одну, самую худшую. Вместо "верхи" потянули на революцию" поставлено "низы". Кроме того, в том же номере 33, в моей рецензии на книгу Д. Панина "Созидатели и разрушители" говорилось, что Достоевский лучился светом правды, напечатано же, будто он мучился светом правды. Это — совершенно не то же самое.

Рецензия

Н. ТРОИЦКИЙ

„КРЕСТНЫЙ ПУТЬ” *

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1970–1980 гг.

Так называется недавно вышедшая на английском языке книга известного специалиста по новейшей истории Русской Православной Церкви и некоторых других исповеданий в СССР — протоиерея Димитрия Константинова. Эта книга, последняя из многочисленных трудов автора, посвящена положению религии в СССР в семидесятых годах нынешнего столетия. Десять книг и около 500 статей на те же темы принесли автору заслуженный авторитет ученого и поставили его в ряды экспертов по данным вопросам.

Работы протоиерея Д. Константинова занимают особое место в ряду других изданий на эту тему, так как их автор не только лично участвовал в свое время в жизни Русской Православной Церкви, но и занимает сейчас объективно-реалистическую позицию в своих исследовательских работах. Эта позиция лишена излишнего одностороннего пессимизма в отношении религиозной ситуации в СССР. Одновременно автор отрицательно относится к всякого рода попыткам повесить компромиссный розовый занавес неосмысленного оптимизма над происходящим на религиозном фронте в СССР. А там действительно существует фронт ожесточенной духовной борьбы между насаждаемым коммунистической диктатурой безбожием и верующей частью населения огромной страны. Эта духовная борьба переходит иногда на некоторых участках фронта в войну физическую, сопровождаемую жестокой и кровавой иногда расправой власти с верующей частью народа.

В книге прот. Д. Константинова приводятся интересные и обоснованные данные о динамике уничтожения православных храмов в СССР, рассказывается о более чем своеобразных

методах их закрытия, публикуются трагические документы о борьбе верующих, отстаивающих свои храмы от насильственного и издевательского закрытия. Многочисленные иллюстрации документального характера подтверждают выводы автора. Руины ценнейших религиозно-архитектурных памятников, взорванных или заброшенных невежественными представителями власти, запечатлены на фотографиях, помещенных в книгу. Одновременно перед нами проходит вереница бесспорных, документально подтвержденных фактов насилия власти над верующими людьми, попрания их прав, формально отмеченных в советских законах, но никогда не реализованных на практике.

Специальная глава посвящена диалогу между верующими и властями, прерываемому окриками представителей диктатуры, требующих от верующих абсолютного подчинения их незаконным и жестоким требованиям. Перед нами проходят миллионы верующих, наполняющих еще пока оставшиеся открытыми храмы. Перед нами проходят верующие люди, которым едва ли не запрещают хоронить своих близких по религиозному обряду. Мы встречаемся с родителями, несущими своих детей в церковь для совершения крещения. И это при условии строжайшей регистрации всех участников крещения, предваряющей ущемление в дальнейшем их прав, прежде всего по месту их работы.

Из книги мы узнаем о своеобразной классификации верующих, установленной советскими антирелигиозниками, и о методах борьбы с каждой из намеченных групп. Мы читаем потрясающие документы о физической расправе с верующими различных религиозных исповеданий, вплоть до ареста, избиений и насильственного заключения в психиатрические больницы для "излечения". Вера в Бога

*Stations of the Cross. Russian Orthodox Church in the USSR 1970–1980.

приравняется властью к психическому заболеванию, требующему фактически тюремного заключения в больницу для так называемого "лечения", калечащего и тело, и душу. Не приходится говорить о том, что немало верующих находятся в исправительно-трудовых лагерях. Последнее стало привычным в СССР явлением.

Отрадным моментом является глава о борьбе верующей молодежи за право верить в Бога. Эта борьба свидетельствует о многом. Несмотря на более чем полувековые гонения на религию, в СССР растет религиозность среди молодого поколения. И это вопреки активной антирелигиозности школьного обучения. Власть вынуждена признать: верующая молодежь — неожиданный, специальный "досадный фактор", затрудняющий продвижение страны к "сияющим вершинам коммунизма".

Мужественное исповедание своей веры со стороны студентов высших учебных заведений часто стоит им лишения права на высшее образование. Исповедание веры в начальных и средних школах является прецедентом для травли молодых христиан, отнятия у них тех незначительных привилегий, которыми пользуются другие дети.

Существуют огромные трудности для поступления в те немногочисленные духовные школы, которые пока еще имеются в стране. Не только искусственная ограниченность вакансий, но и тщательный контроль соответствующими органами власти над поступающими мешает нормальному ходу комплектования духовных семинарий и академий. В духовные учебные заведения могут поступить только те, кого власть считает достаточно "благонадежными" и не склонными к религиозному диссидентству.

Прот. Д. Константинов специально останавливается на религиозном движении сопротивления, имеющем место в СССР. Приводимые факты свидетельствуют о том, что это движение реально существует и представляет собой подлинно народное движение, направленное

на защиту веры в Бога. Автор приводит также краткий очерк истории развития религиозного движения народного сопротивления, участником которого он в свое время был. Современное религиозное диссидентство в СССР не является чем-то неизвестно откуда взявшимся. Оно является последовательным развитием народного движения сопротивления, появившегося вскоре после октябрьского переворота 1917 г. После второй мировой войны оно разделилось на две ветви: собственно народное движение сопротивления и религиозное диссидентство, главным образом, советской интеллигенции. Автор уделяет ему достаточно внимания и рассказывает факты, вообще неизвестные большинству современных советологов.

Большое внимание уделено в книге современной церковной политике Московской патриархии, пошедшей по курсу стопроцентного подчинения требованиям коммунистической власти. Автор в связи с этим проводит совершенно справедливую мысль о том, что нельзя отождествлять Русскую Православную Церковь в СССР с Московской патриархией. Подобно тому как не следует отождествлять русский народ и коммунистическую власть, так как это совсем не одно и то же, подобно этому не следует ставить знак равенства между центральным церковным управлением, каким является Московская патриархия, и Церковью в целом. В Церкви имеется много оппозиционных элементов, осуждающих соглашательскую политику патриархии, доходящую до совершенно невообразимых пределов. Рассмотрению этой весьма сложной проблемы и посвящена последняя глава. Детально рассматриваются и события, связанные с церковным собором 1971 г. и избранием нынешнего патриарха Пимена.

Уделяя значительное внимание религиозному движению сопротивления, автор помещает в виде приложения последний доклад о. Глеба Якунина о положении в РПЦ, подготовленный им незадолго до ареста, и письмо к Брежневу епископа Полтавского Феодосия.

От редакции: Сообщаем, что передовая "Доразвились" в предыдущем номере "Голоса Зарубежья" была написана С. Тиктиным.

Редакция с прискорбием сообщает о кончине сотрудника журнала
Валентина Густавовича ЯРА (1906 — 1984 гг.)
(переводчика статей Иосифа Мацкевича)

Редакция выражает искреннее соболезнование вдове усопшего

Редакция

**Вышла в свет и поступила в продажу
новая книга на английском языке**

Very Reverend D. KONSTANTINOW

”STATIONS OF THE CROSS”

Russian Orthodox Church in the USSR

1970 – 1980

В книге 250 страниц и многочисленные иллюстрации

Цена книги — 10 долларов (включая пересылку)

Заказы направлять по адресу:

Zaria Publishing Inc.

73 Biscay Road

London, Ontario, Canada N6H 3K8

ДМИТРИЙ ПАНИН

СОЗИДАТЕЛИ И РАЗРУШИТЕЛИ

Париж 1983 г.

Приложение к журналу ”Le choix”

A. D. P. B. P. 79 75762 Paris cedex 16

ЮРИЙ ВЕТОХИН

СКЛОНЕН К ПОБЕГУ

Copyright 1983 by Yurii Vetokhin

Купить можно по адресу:

Mr. Yurii Vetokhin

P.O.Box 16084

San Diego, Ca. 92116

Цена 20 долларов

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

